

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, СТАВШАЯ РОМАНОМ

Мой год с Сэмюэлем

КНИГА ГОДА
по версии:

Elle
The Guardian
Amazon
Выбор Опры

ДЖОАННА
РЭЙКОФФ

РИПОЛ КЛАССИК

Большая проза (РИПОЛ)

Джоанна Рэйкофф

Мой год с Сэлинджером

«РИПОЛ Классик»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(4Сое)6-44

Рэйкофф Д.

Мой год с Сэлинджером / Д. Рэйкофф — «РИПОЛ Классик»,
2014 — (Большая проза (РИПОЛ))

ISBN 978-5-386-14665-8

Я начинала с темной комнаты с книжными шкафами от пола до потолка в легендарнейшем литературном агентстве. Отвечая на многочисленные письма поклонников самого Сэлинджера, я не заметила, как вступила в переписку от его лица... Изю дня в день ложь росла как снежный ком, пока рутину вдребезги не разбил один-единственный звонок. Это был Джерри... Джером Дэвид Сэлинджер был на связи.

УДК 821.111(73)
ББК 84(4Сое)6-44

ISBN 978-5-386-14665-8

© Рэйкофф Д., 2014
© РИПОЛ Классик, 2014

Содержание

От автора	6
Все мы были девчонками	7
Зима	8
Три дня снегопада	9
Офисная техника	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Джоанна Рэйкофф

Мой год с Сэлинджером

Copyright © 2014 by Joanna Smith Rakoff

© Змеева Ю.Ю., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2022

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2022

* * *

Кириллу – с него начинается эта история и им же заканчивается

«Весь этот день, видит Бог, был не только днем каких-то внезапных предзнаменований и символических явлений, но он весь был построен на широчайшем использовании письменности как средства общения»¹.

Дж. Д. Сэлинджер. «Выше стропила, плотники»

¹ Цитата в переводе Р. Райт-Ковалевой. – Здесь и далее примечания переводчика.

От автора

Абигейл Томас пишет, что в своих мемуарах старалась рассказать «правду, насколько это возможно», вот и я в этой книге стараюсь рассказать правду, насколько это возможно. В работе над книгой мне помогли интервью с людьми, которых я знала в описанный в ней период, и собственные дневники того времени и последующих лет.

В повествовательных целях я немного изменила хронологию событий и изменила имена и характерные черты внешности большинства упомянутых в книге людей.

Не считая этих мелких нюансов, это совершенно правдивая история моего года с Сэлинджером.

Все мы были девчонками

Нас были сотни, тысячи. Мы тщательно одевались в сером утреннем свете в Бруклине, Квинсе, Нижнем Ист-Сайде, выходили из квартир с сумками, пухлыми от рукописей, и читали эти рукописи, стоя в очереди в польской булочной, греческой кулинарии, закуской на углу или кофейне в ожидании утренней чашки кофе, некрепкого и сладкого, и дэниша, чтобы съесть его в поезде метро, где, если повезет, нам уступили бы место, чтобы мы могли продолжить читать рукописи по пути в офис в Мидтауне, Сохо или на Юнион-сквер. Мы были девчонками, естественно, совсем девчонками; сходили с поезда шестого маршрута² на Пятьдесят первой улице и шли мимо «Уолдорф-Астории» и Сигрем-билдинг на Парк-авеню, одетые одинаково в одну из вариаций на тему – отглаженная юбка и свитер, как у Сильвии Плат с фотографии из колледжа Смит. И юбку, и свитер покупали наши родители, жившие в обеспеченном пригороде, поскольку наших мизерных зарплат едва хватало, чтобы заплатить за квартиру, не говоря уж об обедах в ресторанах поблизости наших контор или ужинах в кафе даже в дешевых районах, где мы делили многокомнатные квартиры на весь этаж с такими же девчонками – ассистентками в других литературных агентствах, издательствах и реже в некоммерческих литературных организациях. Весь день мы просиживали нога на ногу на крутящихся стульях, отвечали на звонки, встречали авторов, выдерживая нужную пропорцию энтузиазма и отстраненности и ничем не выдавая правды – а правда заключалась в том, что мы пошли работать в этот бизнес не потому, что мечтали подавать воду другим писателями, а потому, что сами хотели стать писателями и работа в издательстве или литературном агентстве представлялась наиболее социально приемлемым способом достичь этой цели, хотя почти сразу становилось ясно, что это, вероятно, не лучший способ. В прошлую эпоху, как верно подмечали наши родители – а мои родители твердили каждый день, – нас называли бы секретаршами. Как и секретаршам в эпоху наших родителей, почти никому из нас не светило повышение и буквально единицам грозило выбиться, что называется, из грязи в князи. Мы шептались о тех, кому повезло, о тех, чьи боссы разрешили им читать рукописи, вести клиентов и обучили ремеслу, о тех, кто проявил небывалую инициативу и сломал систему; и все мечтали оказаться на месте этих везунчиков, думали, что, если очень захотеть и перетерпеть годы нищенской оплаты труда, годы на побегушках у начальства, у нас получится оказаться по ту сторону, оказаться писателем, уверенно стучащимся в дверь кабинета начальника, – но захотели бы мы оказаться там после всего этого? Вот в чем вопрос.

² Маршрут нью-йоркского метрополитена 6 Лексингтон-авеню Локал.

Зима

Всем нужно с чего-то начинать. Я начинала с темной комнаты с книжными шкафами от пола до потолка; бесконечные ряды книг, рассортированных по авторам, книги из всех возможных периодов двадцатого века с обложками, хранящими приметы эпохи, когда они вышли в свет, – филигранная графика 1920-х, скучный горчичный и бордовый переплет конца 1950-х, воздушные акварели 1970-х. Книги определяли мои дни и дни всех, кто работал в нашей тесной и темной кроличьей норе. Имена с книжных корешков мои коллеги произносили голосами приглушенными и почтительными, ибо для людей из литературных кругов эти имена были богоподобными: Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Дилан Томас, Уильям Фолкнер. Но наша кроличья нора была – и остается – литературным агентством, а это значит, что имена с корешков означали кое-что еще – кое-что, что заставляло всех говорить тоном приглушенным и почти-тательным, кое-что, что, как мне раньше казалось, никак не связано с книгами и литературой: деньги.

Три дня снегопада

В первый день работы в агентстве я оделась тщательно, выбрав костюм, казавшийся мне подходящим для офиса: короткая шерстяная юбка в сине-зеленую клетку и темно-зеленая водолазка, застегивающаяся на молнию на спине, модель 1960-х годов из лондонского секонд-хенда. Образ довершали плотные черные колготки и черные замшевые мокасины родом из Италии, которые купила мне мама, считавшая приличную обувь не роскошью, а необходимостью. Прежде я никогда не работала в офисе, но была актрисой и в детстве, и в колледже, и после колледжа и воспринимала этот наряд как сценический костюм. Я играла Смышленную Молодую Ассистентку, Офисную Помощницу На Все Руки.

Я, пожалуй, зря уделила так много внимания костюму, потому что ничего не знала о работе, которая ждала меня, и об агентстве, которое меня наняло. Я даже не успела осознать, что меня приняли на работу: все произошло так быстро. За три месяца до этого я бросила аспирантуру – или получила степень магистра, если с другой стороны посмотреть, – и прилетела домой из Лондона, вернувшись в родительский дом в пригороде почти без багажа, зато с огромной коробкой книг. «Хочу писать свои стихи, а не анализировать чужие», – призналась я своему бойфренду из колледжа, позвонив ему по старинному телефону-автомату, установленному в коридоре моей общаги в Хэмпстеде. Своим родителям я в этом признаваться не стала. Им я сказала, что мне просто было одиноко в Лондоне. А они, в соответствии с принятым в нашей семье кодексом молчания, не стали расспрашивать меня о моих планах. Вместо этого мать повела меня по магазинам: в «Лорд энд Тэйлор» мы выбрали костюм из шерстяного габардина с бархатной отделкой – юбка-карандаш, приталенный жилет, как у Кэтрин Хепберн в «Ребре Адама», – и остроносые замшевые туфли на шпильке. Пока портной подкалывал мне рукава, чтобы подогнуть костюм по фигуре, я поняла, что мать надеется, будто приличный костюм обеспечит мне приличное трудоустройство.

За неделю до Рождества подруга Селеста привела меня на вечеринку, где ее старая знакомая, не вдаваясь в особые подробности, рассказала, что устроилась на работу в научно-фантастическую редакцию крупного издательского концерна. «Как ты туда попала?» – спросила я. На самом деле мне не хотелось ничего знать о процессе найма, просто показалось странным, что человек с дипломом по английской филологии, интересующийся серьезной литературой, согласился на такую работу. Вместо ответа подруга Селесты дала мне карточку.

– Это агентство по трудоустройству, – сказала она. – Через него редакторы ищут ассистентов. Надо будет – позвони.

Наутро я нехотя позвонила. Я не планировала работать в издательском бизнесе – по правде говоря, я пока ничего не планировала, – но мне нравилось верить в то, что судьба приведет меня, куда нужно, – заблуждение, которое в самом скором времени принесло мне неприятности и довлело надо мной много лет, пока я наконец от него не избавилась. Я сочла знаком свыше, что на той вечеринке оказалась в одном углу с подругой Селесты, потому что мы обе были тихонями и чувствовали себя неуютно среди шума и веселья.

– А вы можете прийти сегодня после обеда? – спросила женщина, взявшая трубку. Выговор у нее был очень благородный – не совсем британский акцент, но близко к тому.

Вскоре я, одетая в новый костюм, вручала наспех составленное резюме элегантной даме в таких же, как у меня, юбке и жакете.

– Вы только что закончили филологический? – нахмурилась она; темные прямые волосы упали на лицо.

– Да.

– Что ж... – Дама вздохнула и отложила мое резюме. – Это плюс для некоторых издателей, а для кого-то – минус. Но мы вам что-нибудь подыщем. – Она откинулась на спинку стула. – Позвоню ближе к Новому году. Накануне Рождества никто не ищет сотрудников.

Но она позвонила раньше: я только-только успела вернуться домой.

– Есть вакансия, – выпалила она. – Не хотите работать в литературном агентстве вместо издательства?

– Запросто, – ответила я, хотя понятия не имела, что такое литературное агентство.

– Прекрасно, это очень хорошее агентство. Старое и уважаемое. Мне кажется, даже самое старое в Нью-Йорке. Ассистентка требуется агенту, который очень давно в этом бизнесе. – Дама ненадолго замолчала. – Некоторые ассистентки признавались, что работать с ней трудно, но были и те, кто ее просто обожал. А вы, кажется, хорошо ей подходите. Она хочет нанять помощницу до Рождества.

Потом я узнала, что литературная агентесса, о которой идет речь, подбирала себе помощницу уже несколько месяцев. Но в тот холодный декабрьский день я об этом не подозревала, поэтому, зажав телефонную трубку ухом, повесила свой приличный костюм в душ, чтобы пар разгладил складочки.

На следующий день, застегнутая на все пуговицы, в приличном костюме, я села на поезд до угла Пятдесят первой и Лексингтон-авеню, перешла Парк-авеню и оказалась на Мэдисон-авеню, где меня ждала вышеупомянутая агентесса.

– Итак, – сказала она и зажгла длинную коричневую сигарету – жест, напомнивший мне одновременно дону Корлеоне и Лорен Бэколл. Пальцы у агентессы были длинные, тонкие, белые, с невидимыми костяшками и ногтями идеальной овальной формы. – Печатать умеете?

– Умею, – подтвердила я и робко кивнула.

Я рассчитывала на более сложные вопросы, беседу на абстрактные темы, вроде моей профессиональной этики и привычек, или продуманные возражения центральным постулатам моей магистерской диссертации.

– На машинке? – уточнила агентесса, выпятив губы и выпуская клубочки легкого белого дыма. На губах ее играла едва заметная улыбка. – Это совсем не то, что на... на... – ее лицо скривилось от отвращения, – *компьютере*.

Я нервно кивнула:

– Вы правы.

Через час, когда стемнело и город опустел в преддверии праздника, я лежала на диване и перечитывала «Доводы рассудка»³, надеясь, что мне никогда больше не придется надевать этот костюм и тем более колготки, без которых его нельзя было носить.

И тут зазвонил телефон. Меня взяли на работу.

Так и вышло, что в первый понедельник после Нового года я проснулась в семь утра, приняла душ, стараясь никого не разбудить, и спустилась по ветхой каменной лестнице нашего дома. А выйдя на улицу, обнаружила, что мир остановился: вся улица была в снегу. Я, разумеется, знала, что надвигался буран, а может, и не знала, ведь у меня не было телевизора и радио, а мои знакомые обычно не говорили о погоде. В моих кругах дискутировали по более важным, глобальным вопросам; погоду обсуждали наши бабушки и скучные соседи из пригорода. Будь у меня радиоприемник, я бы знала, что весь город перекрыли, Департамент образования впервые за почти двадцать лет отменил уроки в школах из-за снегопада, а по всему побережью много людей погибли или погибали в этот самый момент, запертые в машинах, необогреваемых домах, или, поскользнувшись на нерасчищенных улицах, ломали шеи. В агентстве, куда меня взяли на работу, в экстренных ситуациях вроде этой использовали систему оповещения «сверху вниз»: президент компании – моя начальница, хотя я поняла, что она президент, лишь

³ Роман Джейн Остин.

проработав в компании несколько недель, так как в агентстве любую информацию приходилось считать не явно, вслух никто ничего не говорил, – итак, моя начальница звонила следующему по званию, и известие передавалось далее вниз по иерархической лестнице от вышестоящего к нижестоящему, пока и секретарша Пэм, и все ассистенты агентов, и наш чудачковатый депрессивный курьер Иззи не узнавали, что приходиться на работу не нужно. Поскольку снегопад случился в мой первый рабочий день, я еще не успела вникнуть в эту систему.

В городе объявили чрезвычайное положение, но поезда пришли вовремя – поезд L с Лоример-стрит и экспресс номер пять с Юнион-сквер. В восемь тридцать я прибыла на Центральный вокзал, где все киоски, торговавшие кофе, выпечкой и газетами, оказались зловеще закрыты. Я направилась на север и вошла в зал ожидания с его роскошным звездным пологом над головой; стук моих каблучков по мраморному полу разносился по залу звонким эхом. Я дошла до середины – до центральной стойки информации, где мы с друзьями часто назначали встречи в старших классах, – и только тогда поняла, почему от моих каблучков столько шума: я одна или почти одна стояла в зале, где обычно слышен стук сотен и тысяч каблучков. Я замерла в центре зала и не услышала вокруг ни звука. Я единственная производила шум.

Я толкнула тяжелую стеклянную дверь западного выхода и вышла на пронизывающий ледяной ветер. По глубокому снегу медленно побрела дальше на запад по Сорок третьей улице, и вскоре взгляду моему открылось нечто еще более странное, чем тихий, пустынный Центральный вокзал, – тихая, пустынная Мэдисон-авеню. Снегоуборщики сюда еще не добрались. Слышалось лишь завывание ветра. Нетронутый снежный покров тянулся ровно от дверей магазинов на востоке до дверей магазинов на западе: ни одного отпечатка ботинка, ни фантика, ни даже листика.

Ковыляя по сугробам дальше на север, я наткнулась на трех банкиров, бежавших – или пытавшихся бежать – по глубокому снегу с радостными криками; их пальто развевались за спиной, как супергеройские плащи.

– Эй! – окликнули они меня. – Мы играем в снежки! Идите к нам!

– Мне на работу надо, – ответила я и чуть не добавила: «Сегодня мой первый день», – но вовремя остановилась. Пусть думают, что я опытная, давно работаю здесь. Теперь я была одной из них.

– Так все закрыто же, – крикнули они. – Пойдемте поиграем!

– Хорошего вам дня!

Я помахала мужчинам рукой и медленно пошла дальше к Сорок девятой улице, где находилось ничем не примечательное здание агентства. Лобби представляло собой узкий коридор, ведущий к паре скрипучих лифтов. Помимо агентства в здании расположились страховые конторы, импортеры африканской резной мебели, пожилые семейные врачи, ведущие частную практику, и гештальт-терапевты. Агентство занимало целый этаж. Я вышла из лифта, подергала ручку двери и обнаружила, что та заперта. Но часы показывали без пятнадцати девять, а я знала, что офис открывается в девять. В пятницу, в канун Рождества, меня попросили прийти подписать документы и забрать кое-какие вещи, в том числе ключ от входной двери. Я еще подумала, что странно, что они предлагают ключ совершенно незнакомому человеку, но прикрепила его к брелку к другим ключам в скрипучем лифте и вот сейчас достала и очутилась в темном, беззвучном офисе. Мне сразу захотелось порассматривать книги, стоящие на полках, но я боялась, что кто-нибудь придет и обнаружит меня за занятием, которое сразу выдаст во мне аспирантку филологического факультета, которой я совсем недавно была. Поэтому я заставила себя пройти мимо стойки в приемной, потом вдоль длинного коридора, уставленного стеллажами с книгами Росса Макдональда в мягкой обложке, свернуть направо в маленькую кухню, миновать бухгалтерию с линолеумом на полу и войти в восточное крыло офиса, где находились святая святых – кабинет моей новой начальницы – и комнатка, где предстояло сидеть мне.

Там я долго сидела, с прямой спиной и мерзнущими в промокшей обуви ногами, и изучала содержимое ящиков своего нового стола – скрепки, степлер, большие розовые картотечные листки с загадочными кодами и таблицами. Я боялась достать книгу и начать читать: вдруг новая начальница войдет и застанет меня за этим занятием? Я читала книги Джин Рис и воображала себя одной из ее героинь, нищих, вынужденных неделями питаться одними круассанами и кофе со сливками, что подавали на завтрак в меблированных комнатах, где несчастные девушки жили за счет бывших женатых любовников, оплачивающих им ренту в компенсацию за разрыв отношений. Я подозревала, что моя начальница не одобрит Джин Рис; на собеседовании она спросила, что я читаю сейчас и какие книги предпочитаю, на что я ответила:

– Я все читаю. Люблю Флобера, недавно дочитала «Воспитание чувств» и поражена, каким современным кажется этот роман. Но мне нравятся и Элисон Лури⁴, и Мэри Гейтскилл⁵. А выросла я на детективах. Мои любимчики – Дональд Уэст-лейк и Дэшил Хэммет.

– Что ж, Флобер – это, конечно, хорошо, но если хочешь работать в издательстве, надо читать тех, кто еще жив. – Начальница замолчала, и я поняла, что ответила неправильно. Как всегда, я плохо подготовилась. Я ничего не знала об издательском бизнесе и тем более о литературных агентствах, в том числе о том, куда меня приняли на работу. – Я тоже люблю Уэстлейка, – добавила она и закурила. – Чувство юмора у него отменное. – И она улыбнулась впервые с тех пор, как я вошла в ее кабинет.

Я нерешительно разглядывала книги на полке, висевшей над моей головой, – детективы Агаты Кристи в мягких обложках и, кажется, серию любовных романов, – и тут на моем столе зазвонил громоздкий черный телефон. Я сняла трубку и тут же поняла, что не знаю, как в агентстве принято приветствовать звонящих. Поэтому я сказала просто:

– Аллю?

– О нет! – раздался крик в трубке. – Ты пришла? Так и знала, что ты придешь. Иди домой. – Звонила начальница. – Офис закрыт. Увидимся завтра.

Повисла тишина, я не знала, что сказать.

– Жаль, что тебе пришлось тащиться в такую даль. Езжай домой греться. – С этими словами она отключилась.

Банкиры, игравшие в снежки, ушли – видимо, тоже отправились домой греть промокшие ноги. Мощные порывы ветра проносились по Мэдисон-авеню, трепали мои волосы, задувая их в глаза и в рот, но на улице было так тихо, бело и прекрасно, что я не спешила идти к вокзалу и шла очень медленно до тех пор, пока у меня не заоченели руки, ноги и нос. Я поняла, что последний раз в понедельник в половине десятого утра мне не надо находиться на работе, да и торопиться домой ни к чему.

В Нью-Йорке и позднее были снегопады, но они уже не парализовали город и не приводили к абсолютному безмолвию. Только тогда, один-единственный раз, я стояла на углу и чувствовала себя последним человеком на земле; больше такого не повторялось. Когда следующий буран аналогичного масштаба надвинулся на город, мир успел измениться: полная тишина стала невозможной.

Я вернулась домой в Бруклин. Согласно официальной версии, я проживала в Верхнем Ист-Сайде с Селестой – так думали мои родители. Закончив колледж, я переехала в Лондон учиться в аспирантуре, а Селеста, о которой мои родители отзывались как о «хорошей, милой девочке», устроилась на работу в детский сад и сняла студию с фиксированной арендной платой на Семьдесят третьей улице в Ист-Сайде, между Первой и Второй улицами. Когда

⁴ Американская романистка, лауреат Пулитцеровской премии по литературе.

⁵ Американская писательница, известная своими рассказами; наиболее известен ее рассказ «Плохое поведение», его экранизировали в 2002 году как фильм «Секретарша».

я вернулась в Нью-Йорк, Селеста разрешила перекантоваться у нее на диване, обрадовавшись компании, а потом предложила остаться и поделить аренду пополам. Кроме того, согласно официальной версии – опять же для родителей – у меня был бойфренд, тоже «хороший и милый мальчик», с которым мы встречались еще в колледже, композитор, талантливый, веселый аспирант из Калифорнии. План был такой: я возвращаюсь домой из Лондона, получив степень магистра, накоротке заезжаю к родителям и перебираюсь в Беркли, в квартиру в нескольких кварталах от Телеграф-авеню⁶, которую нашел для нас бойфренд. Там многоквартирный дом стоял кольцом, а в центре был дворик, где по логике должен был находиться бассейн. Но бассейна не было. И я отступила от плана. Я вернулась в Нью-Йорк и поняла, что не хочу уезжать. А потом встретила Дона.

На второй день я снова пришла слишком рано, поскольку страшно боялась опоздать. На этот раз я вставила ключ в замок, чуть-чуть приоткрыла дверь и, убедившись, что в офисе еще темно, а в приемной за стойкой никого нет, быстро закрыла дверь, села в лифт и спустилась в лобби. По Мэдисон-авеню прошлись снегоуборщики, как и по Пятой авеню и остальному Мидтауну, но город еще не проснулся, на обочинах высились громадные сугробы, а пешеходы медленно семенили по узким проходам, расчищенным на тротуарах. В лобби было кафе, где имелись свежие круассаны, и сейчас сонные посетители разглядывали стеклянную витрину под недружелюбным взглядом продавщицы южноазиатской внешности с волосами, убранными под сетку. Я присоединилась к ним, раздумывая, не выпить ли вторую чашку кофе.

Когда я наконец поднялась в офис, секретарша включала лампы в фойе; она еще не успела снять коричневое пальто. В кабинете напротив стойки тоже горел свет.

– О, здравствуйте, – произнесла она не слишком приветливо, расстегнула пальто, повесила на локоть и пошла прочь по коридору.

– Я новая ассистентка, – крикнула я ей вслед. – Мне просто... идти на свое место? Или...

– Минутку, пальто повешу, – отозвалась секретарша.

Через несколько минут она вернулась и взъерошила короткие волосы.

– Как вас зовут, напомните. Джоан?

– Джоанна.

– Точно, Джоанна. – Секретарша плюхнулась на стул. Высокая, с фигурой, как выразилась бы моя мать, китайской статуэтки, она была одета в водолазку и приталенный брючный костюм, какие носили в 1970-е: с расклешенными брюками и широкими лацканами. Восседающая на стуле, она, казалось, возвышается над стойкой и довлеет над ней, впрочем, как и надо всей приемной. Рядом с телефоном на столе стоял толстенный вращающийся каталог с визитными карточками. – Ваша начальница еще не пришла. Она приходит в десять.

– Мне сказали, что рабочий день начинается в полдесятого, вот я и пришла полдесятого.

– Можете подождать здесь, – со вздохом добавила секретарша, как будто я причиняла ей огромное неудобство, и задумчиво скривила губы. – Хотя, наверно, можете и пойти за свой стол. Знаете, где это?

Я кивнула.

– Ладно, туда и идите. Но ничего не трогайте. Ваша начальница скоро придет.

– Я ее провожу, – раздался голос из освещенного кабинета, и на пороге показался высокий молодой человек. – Меня зовут Джеймс, – представился он и протянул руку.

У него были курчавые светло-каштановые волосы, он носил очки в золотой оправе, модные в том году, а лицо заросло густой рыжеватой бородой, что делало его похожим на мистера Тумнуса, благородного фавна из книги «Лев, колдунья и волшебный шкаф».

Я пожала его руку.

⁶ Центральная улица Окленда: начинается в историческом центре города и заканчивается в кампусе Беркли.

– Идите за мной, – предложил Джеймс, и я последовала за ним по основному коридору мимо рядов кабинетов, где свет еще не горел.

Как и накануне, мне захотелось задержаться и рассмотреть книги на стеллажах вдоль стен; я с восторгом увидела знакомые имена – Перл Бак⁷, Лэнгстон Хьюз – и была заинтригована незнакомыми, например, Найо Марш, а в животе затрепетали бабочки, как в детстве, когда мы ходили в местную библиотеку: там было столько книг и каждая по-своему интересна, а я могла взять любую.

– Ого! – вырвалось у меня почти непроизвольно.

Джеймс замер, а потом обернулся.

– Ага, – ответил он с искренней улыбкой. – Я тут шесть лет и до сих пор хожу и удивляюсь.

Как и было предсказано, моя начальница явилась в десять, закутанная в золотистую норковую шубу, в громадных темных очках и шелковом шарфе с узором в виде лошадей, накинутом на голову.

– Здравствуйте, – сказала я и приподнялась над стулом, словно приветствуя королевскую особу или папу Римского.

Но начальница пронеслась мимо меня и скрылась в кабинете, притворившись, что не заметила меня.

Через двадцать минут дверь ее кабинета открылась, и она появилась на пороге уже без шубы, а на смену темным очкам пришли такие же громадные, но с прозрачными стеклами. Они занимали половину ее бледного лица и подчеркивали голубизну глаз.

– Так-так, – произнесла она, закуривая и присаживаясь на край моего Г-образного стола. – Пришла, значит.

Я бодро улыбнулась:

– Пришла.

И я встала, немного нетвердо держась на ногах, так как на мне были сапоги, которые я одолжила у Ли, соседки Дона. Свои мокасины я оставила сохнуть на батарее в квартире парня, и те скрючились в форме полумесяца и застыли так навсегда. Собственно, там я и жила на самом деле, а не по официальной версии, – в бруклинской квартире Дона.

– У нас много дел, – сказала начальница и длинным пальцем убрала с лица блестящий локон. – Я знаю, ты умеешь печатать на машинке. – Я с энтузиазмом закивала. – А ты когда-нибудь расшифровывала микрокассеты?

– Нет, – честно ответила я. Я даже никогда о таком не слышала. Разве что в шпионских фильмах. На собеседовании, кажется, никто ничего не говорил про микрокассеты. – Но наверняка смогу научиться.

– Научись, не бойся, – заверила меня начальница, выпуская облако дыма, сам вид которого несколько противоречил ее уверенному заявлению. – Хотя могут возникнуть трудности.

Она одной рукой поддела жесткую полупрозрачную крышку на белой пластиковой коробке, стоявшей рядом с печатной машинкой на моем столе. Под ней оказалось нечто вроде допотопного кассетного магнитофона с кучей проводов и огромными наушниками; привычных кнопок воспроизведения, паузы и перемотки я не увидела. Был отсек, куда вставлять кассету, и все. Прибор, как и многие технические достижения 1950-х и 1960-х, выглядел одновременно милительно архаичным и пугающе футуристичным.

– Смотри, – сказала начальница со странным смешком, – это диктофон с микрокассетами. Чтобы перемотать вперед-назад, нажимай на эти педали. Кажется, тут еще скорость можно регулировать...

⁷ Американская писательница, первая женщина в США, получившая Нобелевскую премию по литературе.

Я кивнула, хотя не видела перед собой никаких педалей и регуляторов скорости.

– Если запутаешься, Хью покажет, как этим пользоваться.

Я даже не знала, кто такой Хью, и не понимала, что мне нужно делать с этими микрокасетами, но снова кивнула.

– Работы там полно; я дам тебе пленки, и начинай. Потом поболтаем.

Начальница пошла в кабинет и вернулась с тремя кассетами и новой сигаретой, которую пока не закурила.

– Вот, держи. Все это нужно напечатать. – И с этими словами она скрылась в арке слева от моего стола.

Арка вела в бухгалтерию, затем на кухню и в противоположное крыло, где находились кабинеты других агентов и дверь во внешний мир.

Вообще-то, печатать я не умела. Я соврала, что умею печатать, – меня надоумила женщина из агентства по трудоустройству.

– В твоём возрасте никто не умеет печатать на машинке, – сказала она и пренебрежительно сморщила своё красивое лицо. – Вы же выросли, когда уже были компьютеры. Но ты там скажи, что печатаешь со скоростью шестьдесят слов в минуту. За неделю научишься.

На самом деле когда-то я умела печатать со скоростью шестьдесят слов в минуту. В то время все ученики средних школ в Нью-Йорке проходили обязательный курс машинописи в восьмом классе. Потом я несколько лет печатала курсовые на машинке в папином офисе, не глядя на клавиши. В старших классах мы купили «Макинтош II», и, как истинное дитя цифровой эпохи, я деградировала до расхлябанной печати двумя пальцами и напрочь позабыла о технике.

Я стащила противопылевой чехол с машинки «Селектрик». Это был громадный агрегат с гораздо большим количеством кнопок и рычажков, чем у машинок, на которых я училась. И все же одну кнопку я никак не могла найти – кнопку включения. Я ощупала машинку спереди, с боков и сзади. Ничего! Встала и рассмотрела ее со всех сторон, перегнувшись через стол. Затем села и попробовала снова: ощупала, подняла машинку и наклонила – вдруг выключатель находится снизу? Подмышки зеленой водолазки промокли от пота, лоб взмок, а в носу предательски защипало, что могло означать только одно: слезы на подходе. Наконец, решив, что кнопки вкл/выкл попросту нет и надо только включить машинку в розетку, я залезла под стол и стала нащупывать шнур в темноте.

– Помощь нужна? – раздался тихий нерешительный голос, а я тем временем нашла на полу пыльный шнур.

– Хм... возможно, – ответила я и как можно изящнее выползла из-под стола.

Рядом стоял мужчина неопределенного возраста, так сильно похожий на мою начальницу, что я не удивилась бы, если он оказался ее сыном: те же волчьи глаза и прямые каштановые волосы, дряблые щеки и болезненно бледная кожа, в его случае покрытая шрамами от акне.

– Кнопку ищите? – спросил он, волшебным образом угадав мои мысли.

– Да, – призналась я, – и чувствую себя очень глупо.

Мужчина сочувственно покачал головой:

– Она хорошо спрятана в очень странном месте. Ее никто не может найти. И когда сидишь за столом, не дотянуться. Вот она.

Он обошел стол и встал рядом, оставаясь, впрочем, на почтительном расстоянии, просунул руку слева от машинки, словно хотел ее обнять, и с громким щелчком повернул рычажок. Машинка громко заурчала, как спящий кот, и отчетливо завибрировала – вибрации можно было увидеть невооруженным глазом.

– Большое спасибо, – сказала я, пожалуй, слишком эмоционально.

– Не за что, – ответил мужчина.

Я жалась в стол, чтобы ему хватило места пролезть, и он неуклюже протиснулся мимо, споткнувшись о пластиковый коврик, на котором стоял мой стул, а потом еще и о валяющийся шнур. Он вздохнул и протянул руку; на его безымянном пальце я увидела простой золотой ободок – обручальное кольцо, – что меня удивило. Он выглядел очень одиноким.

– Хью, – представился мой спаситель, – а вы, наверно, Джоанна.

– Да, – подтвердила я и взяла его за руку; та была теплой, сухой и очень-очень белой.

– Я сижу вот здесь, – Хью указал на дверь прямо напротив моего стола, которую я сначала приняла за дверь шкафа. – Если что-то понадобится, обращайтесь. Ваша начальница иногда плохо... – он тяжело вздохнул, – объясняет. Так что, если что-то будет непонятно, спросите меня. – Его лицо вдруг изменилось, он улыбнулся. – Я здесь давно и знаю, как все устроено в этом офисе. Как все работает.

– Насколько давно? – спросила я, не успев подумать, что, наверно, это бестактно. – Долго вы здесь работаете?

– Посмотрим, – Хью скрестил руки на груди и задумчиво сморщил лоб. Он и так говорил медленно, а теперь заговорил еще медленнее. – Я пришел в 1977 году на место ассистента Дороти... – Я кивнула, делая вид, что знаю, кто такая Дороти. – Потом ушел ненадолго... кажется, в 1986-м. Или в 1987-м. Но потом вернулся. – Он снова вздохнул. – Двадцать лет, значит. Уже двадцать лет здесь работаю.

– Ого! – ахнула я. Мне самой было двадцать три года.

Хью рассмеялся:

– Ого! Точнее и не скажешь. – Он пожал плечами. – Мне здесь нравится. Кое-что не нравится, конечно, но мне подходит это место. Работа, которой я здесь занимаюсь.

Я хотела спросить, чем именно Хью занимается, но решила, что это все-таки бестактно. Мама учила никогда не допытываться, сколько человек зарабатывает и какая у него должность. Поскольку разговор происходил в литературном агентстве, я сделала вывод, что Хью – литературный агент.

Снова оставшись одна – свет из кабинета Хью успокаивающе падал на ковер справа от моего стола, – я взяла микрокассету и, повозившись немного, вставила ее в диктофон, после чего снова принялась искать кнопку. Нет, только не это опять, подумала я; на диктофоне тоже не оказалось ничего – ни рычажка, ни каких-нибудь педалей, о которых говорила начальница, – лишь колесико без опознавательных знаков. Я подняла гладкую пластиковую коробку и осмотрела ее со всех сторон, но не увидела ровным счетом ничего.

Я тихо постучала в полуоткрытую дверь кабинета Хью.

– Входите, – сказал он, и я вошла.

Хью сидел за Г-образным столом, похожим на мой, но заваленным грудой бумаг, такой высокой, что за ней не было видно ни его груди, ни шеи. Здесь были распечатанные и нераспечатанные конверты, их надорванные края махрились и напоминали оторвавшиеся от платья оборки; письма, сложенные втрое и полуразвернутые; желтые листки, напечатанные под копирку, и черная копировальная бумага; большие розовые и желтые картотечные карточки; бумажки, бумажки, бумажки... Их было так много, что я встряхнула головой, не в силах поверить, что этот бумажный хаос существует на самом деле.

– Работы накопилось, – бросил Хью. – Рождество!

– Ясно, – кивнула я. – Я насчет диктофона...

– Там ножные педали, – со вздохом пояснил мужчина. – Под столом. Как у швейной машинки. Одна воспроизводит, вторая перематывает назад, третья вперед.

Все утро я слушала низкий аристократичный голос своей начальницы, вещавший из допотопных наушников диктофона, – весьма своеобразный и интимный опыт. Начальница надиктовывала письма, а я печатала их на бумаге с шапкой литературного агентства, желтова-

той, тонкой, как рисовая, уменьшенного формата. Иногда письмо занимало несколько страниц, иногда печатать приходилось всего одну или две строчки. «Как мы договаривались, прилагаю два экземпляра вашего контракта с „Сент Мартинз Пресс“ на книгу „Кровные братья“. Просим подписать оба экземпляра и выслать нам в удобные вам сроки». Самые длинные письма предназначались издателям; в них моя начальница требовала внести сложные и порой необъяснимые изменения в контракт, вычеркивала слова и целые параграфы, особенно если те касались «электронных прав» – термин, ни о чем мне не говоривший. Работа была невыносимо скучной; форматирование и соблюдение межстрочных интервалов требовало гимнастической ловкости, но вместе с тем это занятие меня успокаивало, ведь я почти не понимала содержание напечатанного, а сам процесс – удары пальцев по клавишам, звук, с которым молоточки ударяли по бумаге, – завораживал меня. Дама из агентства по трудоустройству оказалась права: раз научившись печатать на машинке, разучиться было невозможно, как кататься на велосипеде; пальцы вспомнили расположение клавиш и порхали по ним, словно направляемые невидимой силой. К полудню у меня образовалась аккуратная стопочка готовых писем – результат расшифровки одной микрокассеты; я прикрепила к каждому подписанные конверты, как научил меня Хью.

Я достала первую кассету и вставила вторую, и тут зазвонил телефон. Я похолодела, ведь я так и не выяснила, как тут положено отвечать на звонки.

– Алло, – с притворной уверенностью произнесла я, зажав плечом трубку. Мой первый настоящий рабочий звонок!

– Джоанна? – послышался веселый голос.

– Папа? – удивилась я.

– Та, это есть йа, – ответил он голосом Бориса Карлоффа⁸. В молодости отец был актером; его комедийная труппа выступала в Катскиллских горах, колониях бунгало⁹ и на курортах. Некоторые из членов труппы прославились: Тони Кертис, Джерри Стиллер. А папа стал дантистом. Дантистом с отменным чувством юмора. – Твой старый папка. Как первый рабочий день?

– Да ничего вроде. – Стоило только сказать родителям, что я устроилась на работу, как те попросили мой рабочий номер телефона. Но я не думала, что они станут названивать в первый же рабочий день. – Пока только письма печатала.

– Еще бы, ведь ты теперь секретарша, – рассмеялся папа. Мои родители сделали научную карьеру, и каждый мой шаг, кажется, безмерно веселил их. – Ах, прости, *ассистентка*.

– Мне кажется, моя работа все же отличается от работы секретарши, – серьезно ответила я, и мой тон мне совсем не понравился.

В семье из-за этого надо мной смеялись, мол, Джоанна все воспринимает слишком серьезно, шуток не понимает. Да мы просто пошутили, Джоанна! Не заводись. Но я всегда заводилась.

– Я буду читать рукописи, – добавила я. Чтение рукописей было единственным несекретарским занятием, что пришло мне в голову. Вообще-то, начальница пока не предлагала мне этим заниматься, но все, с кем я общалась в те несколько недель, что последовали за моим трудоустройством, подчеркивали, что ассистентка литературного агента, безусловно, должна читать рукописи, это ее основная обязанность. Про печатание на машинке мне никто ничего не говорил. – Ну, и все такое прочее. Они искали человека с таким образованием, как у меня. Филолога.

– Ага, ага, – пропел папа. – Конечно. Слушай, я тут подумал... Сколько тебе платят?

⁸ Американский актер, сыгравший чудовище в фильме «Франкенштейн».

⁹ Так назывались поселения, целиком занятые отпускными домиками, которые нью-йоркцы снимали на лето у евреев – так называемый «борщовый пояс». Эти курортные районы считают колыбелью американского шоу-бизнеса: там выступали гастролирующие артисты.

Я огляделась и убедилась, что рядом никого нет:

– Восемнадцать пятьсот.

– Восемнадцать тысяч долларов? – воскликнул папа. – Не думал, что так мало. – Он издал гортанное бульканье, призванное означать отвращение, – папа вырос в доме, где говорили на идише, и оттуда перенял такие вот характерные междометия. – Восемнадцать тысяч в год?

– Восемнадцать тысяч пятьсот.

Мне сумма казалась огромной. В колледже я получала пятнадцать сотен в семестр, подрабатывая репетитором по писательскому мастерству, а в аспирантуре за минимальную зарплату наливала пиво в пабе и подбирала размеры горных ботинок в туристическом магазине на Оксфорд-стрит. Сумма в восемнадцать тысяч пятьсот долларов казалась невообразимым количеством денег, может, потому, что я представляла все эти деньги как одну большую стопку хрустящих новеньких купюр.

– Знаешь, Джо, на такую зарплату не проживешь. Может, попросишь побольше?

– Пап, я уже начала работать.

– Знаю, но ты могла бы сказать, что проанализировала свои расходы и поняла, что на такую мизерную зарплату не прожить. Посмотрим... – Папа умел производить сложные расчеты в уме. – Это получается пятнадцать сотен в месяц. За вычетом налогов не больше восьмиста – девятиста. Они хоть страховку оплачивают?

– Не знаю.

Мне сказали, что агентство предоставляет медицинскую страховку, но через три месяца после начала работы, а может, через шесть, я забыла. Но по правде говоря, финансовые подробности меня не очень интересовали. Гораздо больше радовал тот факт, что у меня появилась *настоящая работа*. В 1996 году страна переживала экономический спад. Нормальной работы не было почти ни у кого из моих знакомых. Друзья учились в аспирантуре, получали свои магистерские степени по литературе или докторские по теории кино и работали в кофейнях в Портленде, продавали футболки в Сан-Франциско или жили с родителями в Верхнем Ист-Сайде. Работа – настоящая, с девяти до пяти, – казалась большинству недостижимой абстракцией.

– Насчет страховки надо выяснить.

Я чувствовала, что папа теряет терпение.

– Если они не оплачивают страховку, выходит, ты почти за бесплатно работаешь. Сколько ты отдаешь Селесте за квартиру?

Я судорожно сглотнула. Я переехала к Дону – неофициально, разумеется, – не успев заплатить Селесте даже за один месяц, хотя в ее шкафу осталось несколько моих платьев и одно хорошее пальто. Мои родители про Дона ничего не знали, не знали даже, что моего парня зовут Дон. Они полагали, что я без пяти минут замужем за своим бывшим бойфрендом из колледжа, чью красоту, доброту и ум они всецело одобряли. Когда родители звонили Селесте, меня никогда не оказывалось дома, но они списывали это на причуды современной молодежи, что вечно где-то пропадает.

– Триста пятьдесят, – сказала я, хотя мы с Селестой договаривались на триста семьдесят пять – ровно половину арендной платы.

По своему обыкновению, я согласилась на эти условия, толком не подумав, и только потом поняла, что это несправедливо. Платить половину аренды за квартиру, в которой не было ничего моего, где я не могла даже толком вытянуть ноги на диване, было неразумно. Я не смогла бы долго прожить в квартире, где не было ни малейшей возможности уединиться. Селесте, напротив, нравилось столь близкое соседство – подобно Хью, она казалась очень одинокой. Она вечно оставалась один на один со своими тревогами, а кроме того, была одинокой в буквальном смысле, физическом, – ее единственным спутником жизни был старый ожиревший кот с парализованными задними лапами, таскавшийся по квартире, как некое мифологи-

ческое существо: верх пушистый, грива, как у льва, а зад и задние лапы выбриты налысо, так как бедняга не мог себя вылизывать. Однажды вечером я приехала к Селесте после встречи с подругой в центре Манхэттена и обнаружила ее в кровати во фланелевой ночнушке в цветочек; она смотрела повтор некогда популярного ситкома, гладила своего странного кота и плакала.

– Что с тобой? – прошептала я, присев на край кровати осторожно, как будто она была инвалидом. – Селеста, что не так?

– Не знаю, – ответила подруга. Ее круглое веснушчатое лицо – что называется, кровь с молоком, – от слез покраснело и опухло.

– Что ты сегодня делала? Дома сидела? Что-то случилось?

Селеста покачала головой:

– Пришла домой с работы. Сварила спагетти...

Я кивнула.

– И подумала: сварю-ка всю пачку сразу и буду есть их и завтра, и послезавтра. – Одинокая слеза скатилась по пухлой щеке Селесты. – Я поела немного, потом положила добавку, еще добавку... – Она печально посмотрела на меня. – И не успела оглянуться, как съела все. Полкило макарон. Я одна умяла полкило спагетти.

За год после окончания школы мы обе прибавили в весе, но я знала, что не это подругу тревожило, не полкило макарон, которые грозили превратиться в полкило на весах. Ее пугало стечение обстоятельств, из-за которого она не побоялась съесть целую кастрюлю макарон: независимость и безусловная свобода ее жизни, в которой никто – ни мать, ни сестра, ни соседка по комнате, ни профессор, ни приятель – не следил за ее привычками и поведением, никто не спрашивал: «Может, хватит уже?», – не предлагал поделить ужин пополам, перекусить вместе, не интересовался даже, что она ела на ужин. Селеста просыпалась, шла на работу и возвращалась домой – одна!

– Триста пятьдесят долларов? – воскликнул отец. – За студию? Ты разве не на диване спишь?

– В этом районе квартиры еще дороже стоят, между прочим, – заметила я.

– В общем, мы с мамой все обсудили, и... – Кажется, папа все-таки потерял терпение. – Если ты согласишься на эту работу («Я уже согласилась, пап», – подумала я), ты должна жить дома. В город можешь ездить на автобусе; будешь экономить и откладывать на свою квартиру. Может, купишь свое жилье. Снимать квартиру – все равно что деньги выбрасывать.

– Я не могу жить дома, пап, – ответила я, взвешивая каждое слово. – На автобусе ехать почти два часа. Мне придется выходить полседьмого.

– Ну и что? Ты же жаворонок.

– Пап, – тихо проговорила я, – не могу я. У меня должна быть своя жизнь. – Я покосилась на коридор, по которому шла моя начальница, направляясь в свой кабинет. – Мне пора, – бросила я, – прости!

– Нельзя получить все, что хочешь, – сказал папа.

– Ага, – как можно тише ответила я. Я очень любила папу, и мне вдруг страшно захотелось его увидеть, почувствовать его присутствие. – Ты прав.

Но на самом деле я думала то же, что все дети, когда им говорили: «Это тебе нельзя», – «А я получу все, что хочу, вот увидишь».

Груда писем на моем столе высилась; прошел час, другой. В половине второго начальница надела шубу, вышла и вернулась с маленьким коричневым пакетом. «Когда же меня отпустят на обед?» – подумала я. И должна ли я сделать то же самое? Купить еду навынос, принести ее в офис и съесть за столом? Мне уже стало казаться, что внешнего мира не существовало. Остались лишь мы с диктофоном; я печатала письма одно за другим, крутила колесико, замедляя голос начальницы, и тот менялся с альта на бас, а мне меньше приходилось перематывать. Я

умирала от голода, пальцы болели, но сильнее всего болела голова. Из кабинета начальницы в сторону моего стола плыла плотная дымовая завеса. У меня зачесались глаза, как после ночи в прокуренном баре.

В половине третьего я приступила к расшифровке последней пленки, а начальница подошла к моему столу. Несколько раз она выходила из кабинета и проходила мимо, словно меня не замечая, – странное ощущение, как будто я превратилась в предмет окружающей обстановки.

– Как много ты сделала, – сказала начальница. – Дай взглянуть.

Она взяла письма и удалилась к себе.

Через минуту Хью выглянул из своего кабинета.

– Ты пообедала? – спросил он.

Я покачала головой.

Хью вздохнул:

– Тебе должны были объяснить. Ты можешь уйти на обед в любое время. Твоя начальница обычно обедает рано. Я обедаю позже, но часто приношу обед из дома. – Меня это почему-то не удивило. Я прямо представила, как он ест сэндвич с арахисовым маслом и конфитюром, нарезанный на ровные треугольнички и завернутый в вощеную бумагу. – Иди сейчас. Ты наверняка проголодалась.

– Точно можно? – шепотом спросила я. – Она, – я кивнула в сторону кабинета начальницы, – только что забрала письма.

– Письма подождут, – ответил Хью. – Эти кассеты тут месяц лежали. Иди и купи себе сэндвич.

Я вышла на Мэдисон и стала глазеть на витрину кулинарии, где сэндвичи стояли слишком дорого; впрочем, тогда для меня все стоило слишком дорого, потому что денег у меня совсем не было. Папа дал мне несколько долларов протянуть до первой зарплаты; я надеялась получить ее в конце недели. Я даже банковский счет в Нью-Йорке пока не завела. С моими грошами это казалось бессмысленным. Я пока не закрыла свой лондонский счет, и на нем оставались деньги, но я не помнила сколько и не знала, как их забрать: тогда никаких интернет-банков еще не было. В бумажнике лежали две кредитки, но я хранила их на экстренный случай и в жизни бы не стала использовать их для такой роскоши, как обед, хотя проголодалась страшно.

В конце концов я решила купить чашку кофе и яблоко. Потрачу максимум пару долларов. В западной части Мэдисон-авеню я вошла в кулинарию и стала разглядывать кучу перезревших бананов.

– Что вам предложить? – с улыбкой спросил мужчина в белой форме, стоящий за прилавком с сэндвичами.

– Сэндвич с индейкой на круглой булочке, пожалуйста, – выпалила я вопреки себе, и сердце забило от собственного безрассудства. – Проволоне, латук, помидор и немного майонеза. Совсем немного. И горчицы.

На кассе я дала десятку и получила сдачу – два доллара и два четвертака. Я только что потратила на скромный сэндвич на несколько долларов больше, чем намеревалась. Пульс участился – я уже жалела о содеянном. Обед должен стоить пять баксов, не больше. Семь пятьдесят – это уже ужин.

Вернувшись за стол, я положила сэндвич и сняла пальто. Выдвинула стул, и тут на пороге кабинета возникла начальница.

– О, ты вернулась, прекрасно, – сказала она. – Зайди-ка ко мне. Надо поговорить.

Печально взглянув на сэндвич, плотно завернутый в белую бумагу, я зашла в ее кабинет и села на стул с прямой спинкой.

– Итак, – сказала она, расположившись на своем стуле за огромным столом, – нам надо поговорить о Джерри...

Я кивнула, хотя понятия не имела, кто такой Джерри.

– Тебе будут звонить всякие и спрашивать его адрес и телефон. Будут спрашивать, как с ним связаться. Или со мной. – Начальница рассмеялась, будто сама мысль об этом казалась ей абсурдной. – Будут названивать репортеры. Студенты. *Аспиранты*. – Она подчеркнула это слово и закатила глаза. – Они станут говорить, что хотят взять у него интервью или вручить приз, почетную степень и Бог знает что еще. Продюсеры тоже будут звонить по поводу прав на экранизацию. И все попытаются тебя обойти. Станут убеждать, манипулировать. Но ты ни за что... ни за что и никогда... – Тут женщина прищурилась и склонилась над столом, как карикатурный гангстер, а в ее голосе зазвучала угроза: – Ты ни за что и никогда... ни при каких условиях... не должна выдавать его адрес и телефон. Ничего никому не говори. Не отвечай на вопросы. Просто постарайся как можно быстрее отделаться от них. Ясно?

Я кивнула:

– Я поняла.

Хотя на самом деле ничего не поняла, так как не знала, о каком Джерри идет речь. На дворе был 1996 год, и первое, что пришло на ум, – это Джерри Сайнфелд¹⁰, но Джерри Сайнфелд вряд ли был клиентом литературного агентства, хотя мало ли...

– Хорошо. – Начальница откинулась на спинку стула. – Хорошо, что ты поняла. Теперь иди. А я посмотрю корреспонденцию. – И она указала на аккуратную стопку писем, что я напечатала за утро.

Глядя на них, я, как ни странно, ощутила гордость за себя. Они были такие красивые – пухлая стопочка желтой бумаги, сплошь покрытой чернильно-черными строчками.

Я вышла из кабинета, разглаживая юбку, и взгляд мой упал на книжный стеллаж справа от двери, он стоял прямо напротив моего стола с печатной машинкой. Весь день я смотрела на этот стеллаж, смотрела, да не видела, так как слишком увлеклась печатанием. На полках стояли книги, подобранные по цветам – горчичный, бордовый, цвет морской волны, – с надписями на корешках крупными черными буквами. Эти книги я видела много раз – они стояли в книжном шкафу дома у моих родителей, в кабинете английского в школе, во всех книжных магазинах и библиотеках, где мне довелось побывать, и, разумеется, я часто видела их в руках у друзей. Сама я никогда их не читала, сначала просто потому, что так вышло, а потом осознанно. Эти книги стали такой обязательной приметой любой современной книжной полки, что я их почти не замечала: «Над пропастью во ржи», «Фрэнни и Зуи», «Девять рассказов».

Сэлинджер. Агентство представляло Сэлинджера.

Я вернулась за стол, и только тогда до меня дошло.

Так вот что за Джерри!

Дон жил в Бруклине, в большой задрипанной квартире на пересечении двух больших задрипанных улиц – Гранд и Юнион – в Вильямсбурге. Спален в квартире было три: маленькая, с выходом в гостиную, ее оккупировал сам Дон; большая, проходная, там жила соседка Дона Ли, которая, собственно, и являлась нашим субподрядчиком; и центральная, дверь в которую всегда была закрыта крепко-накрепко, как в триллерах Дафны дю Морье или древнегреческих мифах. Поначалу я решила, что там живет третий жилец – в Нью-Йорке комнаты так просто не запирали: слишком дорого стоила жилплощадь, – но однажды вечером поздней осенью я обнаружила дверь открытой и увидела, что комната завалена кипой одежды... нет, даже не кипой, а целой горой Эверест. Одежда вся была мятая, скомканная, перекрученная, завязанная в узлы, и с трудом можно было различить отдельные предметы: майку, юбку, свитер. Судя по цветам и принтам, одежда была старая, из 1940-х и 1950-х, и я спросила Дона, была ли она здесь изначально. Может, он нашел ее в сундуке на чердаке и она принадлежала давно умершему жильцу?

¹⁰ Американский комик.

– Это шмотки Ли, – ответил Дон и закатил глаза. – Ей сил не хватает убирать одежду в шкаф, поэтому она просто бросает ее на пол. Иногда ее пробивает, и она решает разобрать вещи и отнести их в химчистку. Обычно ее хватает на час; потом она бросает это дело. – И он рассмеялся, покачав головой.

Наша соседка Ли была высокой и худой – такой худой, что вены проступали под бледной кожей, как топографическая карта. Светлые волосы падали на плечи неммытыми клоками. В каком бы часу я ни приходила, она всегда выглядела как будто только что проснувшейся и сонно входила в гостиную в помятом шелковом кимоно или выцветшей мужской пижаме. Большие голубые глаза казались еще больше за толстыми стеклами очков в такой страшно старомодной оправе, что она уже перешла в категорию суперстильных. Ли редко выходила из квартиры, только за сигаретами и молоком, и делала это, накинув поверх пижамы старое мужское пальто. Как она платила за все эти блага – в карманах ее пижам, пальто и старых кошельках всегда валялись скомканные банкноты – оставалось для меня загадкой, так как явных источников дохода у нее не было. Дон говорил, что она была богачкой, реальной богачкой, но отцу надоело содержать дочурку незадолго до того, как я появилась на пороге ее квартиры в октябре. «Он велел ей найти работу», – пояснил Дон, смеясь, хотя мне это показалось не смешным, а грустным, а Ли напоминала героинь Эдит Уортон, просто не созданных для жизни в постиндустриальную эпоху.

Ли так и не нашла работу, хотя периодически я видела, как она обводила объявления в «Войс». В последнее время она питалась только кофе, черным и густым; она варила его из дешевого молотого эспрессо в старой капельной кофеварке. К этой основе рациона добавлялись сигареты и изредка макароны с сыром для микроволновки самой дешевой марки.

– Если задуматься, это идеальная пища, – объясняла Ли. – В ней есть и белок, и углеводы, – она загибала пальцы, перечисляя эти полезные составляющие, – а если добавить пакет замороженного шпината, получится полноценный обед.

Высокое происхождение Ли выдавали ее рекомендации. Так, она знала, где выпить настоящего абсента, сделать идеальную стрижку и зашить кашемировый свитер. Хотя все это было ей уже не по карману, она знала пароли и явки. Сама Ли пила дешевое вино, которое обычно покупал кто-то другой, например, я, носила поношенные свитера и не стриглась навскидку лет десять.

В середине декабря, как раз накануне моего собеседования в агентстве, у меня заболело колено – старая травма, давшая о себе знать из-за долгой ходьбы пешком. Мне было так плохо, что я едва могла передвигаться, и врач выписал мне обезболивающее. Я выпила одну таблетку, колену лучше не стало, зато у меня заболел живот и помутился рассудок, я не могла ни читать, ни думать, только спать, я словно впала в кому, где меня преследовали мрачные, страшные кошмары: за мной неустанно гналось безымянное безликое зло. Я проснулась с пересохшим горлом и не смогла пошевелиться, не смогла даже сесть на кровати. Стала звать Дона, но пришла Ли.

– Что с тобой? – спросила она и положила мне на лоб ледяную белую руку.

– Обезболивающее приняла, – хрипло ответила я. – Ужасная штука.

Тут на моих глазах выражение лица Ли сменилось с дружеского беспокойства на расчетливый интерес.

– Какое обезболивающее? – спокойно спросила она.

– Пузырек там, – махнула я рукой.

– Викодин, – благоговейно произнесла Ли, взяв пузырек и зажав его в ладони. – Так я и знала. – Она замолчала и встряхнула янтарный пузырек. Тот задребезжал, как погремушка. – Если не будешь больше принимать, можно я их себе возьму?

Мое сердце, которое и так билось часто, забилося еще сильнее. Зачем ей таблетки, которые выписал мне ортопед от боли в колене? Что она будет с ними делать?

- Мм... я, пожалуй, их оставлю, – ответила я. – Вдруг еще понадобятся?
– А можно одну? – спросила Ли умоляющим тоном, напугавшим меня не на шутку.
– Может быть, – уклончиво ответила я, – мне надо подумать.

Ли неохотно поставила пузырек и обиженно вышла.

- Мне они могут понадобиться! – крикнула я вслед.

Через несколько часов меня разбудил звук бьющегося стекла; через секунду послышались крики. Я вышла в коридор; порыв ледяного ветра вмиг развеял мой наркотический ступор. Ли сидела в своей спальне под разбитым окном и смотрела на руку, залитую кровью; из руки торчали осколки стекла.

- О господи! – выпалила я; меня затошнило.

Я переводила взгляд с лица Ли на руку и на окно, поеживаясь на холодном ветру.

- Что случилось? – потрясенно спросила я.

Я никак не могла понять, как такое могло произойти.

– Я разбила окно рукой, – ответила Ли, разглядывая свою руку, как редкий экспонат, и словно удивляясь, что она у нее есть.

- Но как? – спросила я. – И зачем?

Я подумала, что нам не надо сейчас разговаривать, а надо отвезти Ли в больницу. Крови было много, очень! Интересно, есть кто-то в здании, кроме нас? Вызвать ли «скорую»? И где Дон?

– Захотелось... Там, за окном, было так красиво. Я знала, что больно не будет; и мне совсем не больно.

Тут в дверь постучали, повернулась ручка – Ли опять не заперла дверь, – и вошел высокий красивый мужчина азиатской внешности. Черные волосы красиво завивались у ушей, на них сверкали белые снежинки, еще не успевшие растаять. Одет он был слишком легко, не по погоде, в хлопковую армейскую куртку. Мы уже встречались однажды накоротке, и я знала, что это друг Ли по Антиохскому университету; теперь он учился в Принстоне в аспирантуре. На пороге мужчина остановился, заглянул на кухню, затем в комнату Ли, где я застыла, словно проглотив язык.

- Где она? – спросил он.

– Тут, – ответила я, – у нее кровь идет.

– Ли! – воскликнул мужчина, скорее раздраженно, чем встревоженно, и прошел мимо меня в ее комнату. – Ты что наде... – Но не успел он подойти к окну, как его взгляд упал на секретер, и я увидела, куда он смотрит – на янтарный пузырек. «Не может быть, это не мое лекарство, она не могла его взять», – подумала я, а мужчина схватил пузырек. – Викодин? – устало произнес он. – Где ты его раздобыла?

Ли взглянула на меня и улыбнулась:

– У Джоанны. Она мне дала... – Она улыбнулась еще шире: – Спасибо, Джоанна. Ты такая добрая. – Улыбка превратилась в гримасу. – А вот Дон – настоящий говнюк. Бросай его. Ты для него слишком красивая.

Друг Ли, которого, как я вспомнила, звали Панкадж¹¹, встряхнул пузырек, открыл его, высыпал таблетки на ладонь и пересчитал.

- Сколько ты приняла? – спросил он.

Ли показала три кровавых пальца.

- Три? *Три?*

Ли кивнула.

Панкадж посмотрел на меня:

- А сколько всего было таблеток?

¹¹ С ударением на последний слог.

Я точно не знала.

– Может, десять? – предположила я. – Я приняла одну. Сегодня утром. У меня травма колена. Я не... – Тут я замолчала, не зная, стоит ли объяснять, что я Ли таблеток не давала.

– Зачем она их приняла? – Панкадж пересчитывал таблетки и как-то странно смотрел на меня.

– Мне от них было плохо, – призналась я. – Даже стошнило. Только и могла, что спать. Даже читать не могла. И снились кошмары.

– А мне было весело, – сказала Ли.

Ее друг покачал красивой головой и вздохнул:

– Скажи спасибо, что она их не продала. – И он повернулся к Ли: – Ладно, поехали в больницу.

Когда они вернулись – Ли с перевязанной белоснежными бинтами рукой, – и сели на кухне пить холодное пиво, Панкадж объяснил, что Ли позвонила ему, голос у нее по телефону был очень странный, и он понял – что-то не так. Одолжил машину и приехал в Бруклин из Принстона, несмотря на снегопад.

– Предчувствие, – объяснил он.

Я кивнула. Дона по-прежнему не было дома.

В пять часов вечера зазвонил телефон, и я, вздрогнув, очнулась от своих мрачных размышлений.

– Эй, привет, как дела? – раздался в трубке низкий голос Дона. – Как работа?

Он произнес последнее слово с усмешкой, как будто я не по-настоящему устроилась на работу, а играла во взрослую работающую девушку. Дон считал настоящей работой работу на стройке, металлзаводе, труд уборщицы. Дон был социалистом.

На первом свидании мы ужинали в итальянском ресторане с огромной коллекцией часов на авеню Эй, который Дон выбрал из-за близости к книжному магазину социалистической направленности, где он работал. В тот раз он как раз закончил смену и сообщил мне об этом сразу, сев напротив.

– погоди, – спросила я, пока мы ждали наши макароны, – а вы, современные социалисты, неужели верите, что сможете свергнуть федеральное правительство?

Дон покрутил вино в бокале, сделал маленький глоточек и поморщился:

– Нет, то есть да, некоторые верят. Но большинство нет.

– Тогда в чем смысл вашей партии?

Мне правда было интересно. В 1930-е годы моя бабушка баллотировалась в Сенат от социалистической партии, а двоюродного дядю застрелили во время профсоюзных беспорядков у Форвард-билдинг на Бродвее. К отцу явились из ФБР, когда тот записался добровольцем на войну в Корею. Но никто из моих близких не говорил о политике. 1950-е поумерили их пыл¹².

– Чем вы занимаетесь, кроме книготорговли? – спросила я немного погодя.

– Ведем просветительскую деятельность. Рассказываем о классовом обществе. Боремся с материализмом. Сотрудничаем с профсоюзами и помогаем рабочим создавать свои организации. – Потом Дон вдруг взял меня за руку, и его голос, и без того гортанно-низкий, бархатный, стал еще ниже. – Мы предлагаем альтернативу... Альтернативу всему этому. Мы смотрим на мир иначе.

Сейчас я слышала этот низкий, тягучий голос в трубке. Дон говорил с хрипотцой, как заядлый курильщик, хотя не курил и терпеть не мог курильщиков.

¹² Имеется в виду эпоха маккартизма в США, когда за любую связь с коммунистической партией и Советским Союзом гражданин мог быть подвергнут политическим репрессиям.

– Послушай, – предложил он, – давай после работы встретимся в «Эль». – «Эль» – так называлось кафе в Вильямсбурге. Дон сделал его своей вечерней резиденцией: сидел там, писал в дневнике и пил столько кофе, что у него начинала дергаться нога. – Я говорил с агентом по недвижимости, и тот подобрал нам квартиру.

– *Нам?* – удивилась я. Мы с Доном познакомились всего пару месяцев назад. У меня был бойфренд в Калифорнии, к которому я планировала переехать когда-нибудь... в далеком будущем. – *Нам* квартиру?

– Нам, – уверенно ответил парень. – Ты, что ли, не слышала это слово? Нам – значит, мне и тебе, – подчеркнуто медленно проговорил он.

Начальница ушла ровно в пять, коротко махнув мне на прощание.

– Не задерживайся допоздна, – бросила она, уходя.

Я все еще печатала с микрокассет. Диктофон тихонько жужжал. Через несколько минут вышел Хью в свитере и пуховике.

– Иди домой, – сказал он, – ты уже много сегодня сделала.

В коридоре слышались смех, шорох сумок и пальто – бухгалтеры и курьер уходили домой, – а потом в офисе стало тихо и темно. В нашем крыле горела лишь одна лампа – на моем столе. Я закончила печатать письмо и вынула бумагу из машинки, надела висевшее на спинке стула пальто и направилась к выходу.

У стеллажа с Сэлинджером я задержалась и стала рассматривать знакомые корешки. Почти все эти книги были у моих родителей: «Над пропастью во ржи», «Выше стропила, плотники» и «Симор: введение» в мягких обложках; «Фрэнни и Зуи» – в твердой, причем книга в таком идеальном состоянии, будто ее никто никогда не открывал. Но все они прошли мимо меня. Почему? Почему я до сих пор не прочла Сэлинджера? Так сложились обстоятельства. В старших классах учительница литературы никогда не давала нам задание читать «Над пропастью во ржи». У меня не было старших братьев и сестер, которые торжественно вручили бы мне томик на четырнадцатилетие и сказали: «Ты должна это прочесть». А потом подходящий момент для Сэлинджера прошел – я об окошке между двенадцатью и двадцатью годами, ведь именно тогда подростки, любящие читать, сходят с ума по Холдену Колфилду. Теперь меня интересовала сложная и мрачная литература, большие толстые романы, соцреализм. Я читала Пинчона, Эмиса, Дос Пассоса, Фолкнера, Дидиона и Боулза – писателей, чьи депрессивные и унылые романы резко контрастировали с тем, как я себе представляла Сэлинджера. А мне он казался невыносимо милым, нарочито причудливым, и как-то уж слишком все его боготворили. Мне совершенно не хотелось читать волшебные сказки Сэлинджера о старом Нью-Йорке и не по годам развитых детках, анализирующих дзенские коаны и теряющих сознание на диване, не в силах вынести тиранию материального мира. Я бы никогда не открыла книжку, героев которой звали Бу-Бу и Зуи. И я не могла симпатизировать семилетке-вундеркинду, цитирующему Бхагавад-Гиту¹³. Даже названия рассказов казались какими-то подростковыми и заумными: «Хорошо ловится рыбка-бананка», «Дядюшка Виггили в Коннектикуте».

Я не нуждалась в развлекательном чтении. Я любила провокационную литературу.

Агент по недвижимости подвел нас к красивому рядному дому¹⁴ на Северной Восьмой улице, в квартале от железнодорожной станции и рядом с большой польской булочной. Голые деревья отбрасывали тени на снег в свете уличных фонарей.

– Это здесь, – сказал он, отпер парадную дверь и прошел мимо изящной лестницы, ведущей наверх, мимо квартир первого этажа к двери в задней части дома.

¹³ Отсылки к рассказам и повестям сэлинджера о семье Гласс (сборник «Девять рассказов»).

¹⁴ Рядные дома – дома сплошной застройки, между которыми нет проходов (фасады вплотную прилегают друг к другу).

«Куда мы идем?» – подумала я, ступая позади моих спутников. Нас провели во внутренний дворик, утопающий в снегу; там, в глубине, стоял крошечный трехэтажный домик, весь разваливающийся и заброшенный, как избушка на курьих ножках, – тайный домишко, спрятанный от глаз людских.

Сама квартира оказалась маленькой и странной, с деревянными полами, свежеекрасочными в необычный для пола цвет красного кирпича, – в комнатах все еще чувствовался сильный запах краски. Дверей не было, а комнаты разделяли арки. В гостиной я увидела встроенный шкаф, в крошечной кухне – мини-плиту и холодильник; окна маленькой спальни выходили в цементный двор и почти упирались в стену дома, через который мы прошли. Пол был кривой, это было видно невооруженным глазом.

– И сколько? – спросил Дон агента. – Пять сотен?

– Пятьсот сорок, – ответил тот.

– Берем, – кивнул Дон.

Я вытаращилась на него, не веря ушам своим:

– Вообще-то, нам нужен хотя бы день, чтобы все обсудить. Сравнить с другими квартирами...

– Нет, – смеясь, ответил Дон, – эта нас устраивает. Какой депозит?

Снаружи холодный воздух приятно обжег щеки. «Не верю, что мы на это согласились», – подумала я. Но при одной мысли о том, чтобы вернуться к Селесте – даже чтобы забрать вещи, – у меня чуть не случился приступ паники. Спагетти. Слишком мягкий диван. Парализованный кот.

Через пару минут мы сидели в офисе агента по недвижимости и заполняли бумаги.

– Договор будет на ее имя, – заявил Дон, а я встревоженно взглянула на него, и сердце забилось сильнее.

Если квартира на мое имя, значит, ответственность за внесение платы на мне, а Дон тут вроде как ни при чем. Меня это страшно пугало, ведь сумма в пятьсот сорок долларов составляла больше половины моей зарплаты.

– Только у тебя есть настоящая работа, – пояснил Дон, когда мы возвращались в его старую квартиру, взявшись за руки. – И хорошая кредитная история.

– Откуда ты знаешь, какая у меня кредитная история? – спросила я.

– Просто знаю, и все. – Дон остановился и достал из кармана поношенные кожаные перчатки. – Уж точно лучше моей.

– Что значит «уж точно лучше моей»?

Дон глубоко вдохнул морозный воздух.

– Я отказался выплачивать студенческий кредит, – сообщил он.

– Ты отказался выплачивать студенческий кредит?

– Ну да, так я и сказал. – Дон встряхнул головой и широко улыбнулся. – Подумаешь, велика беда. Банки – зло, они наживаются на восемнадцатилетних несмышленишках. Ну, недо считаются они моих двадцати тысяч... для них это вообще не деньги. – Он поцеловал меня холодными губами в правую щеку. – Детка, ты слишком буржуазно мыслишь. Seriously, ерунда это все. Мне было не до студенческих кредитов. Я роман писал.

Я не знала, что на это ответить; не знала, что и думать, по правде говоря.

– Я сглупил, конечно. – Дон снова взял меня за руку, и мы пошли по Северной Девятой улице к Макри-Трайнгл – участку клочковатой травы, населенному крысами, который почему-то считался у городских властей общественным парком. – У меня не было денег, вот я и оформил отсрочку. Это можно делать сколько угодно раз. Просто каждые полгода заполняешь документы. Но мне надоело.

Я думала об аренде. По правде говоря, я не знала, как Дон зарабатывал на жизнь. Почти все время он проводил в зале – был боксером, «как Мейлер, но лучше»¹⁵, по его собственным словам, – или просиживал в кафе, работая над романом, который, опять же по его словам, почти дописал. Раньше он преподавал английский как иностранный взрослым – русским эмигрантам, латиноамериканским домохозяйкам, – но сейчас у него осталось лишь несколько частных учеников. Деньги на вино или кофе у Дона всегда водились, но я также заметила, что он не разбрасывается наличкой. Кредитками он не пользовался. Теперь я знала почему.

– Высшее образование должно быть бесплатным, – добавил Дон. – В Европе никто не платит двадцать штук в год за бакалавриат. Мои друзья из Европы считают нас, американцев, ненормальными.

Дон часто упоминал своих европейских друзей, но никого из них я еще ни разу не видела. Те его друзья, с кем мы регулярно общались, были родом из Нью-Йорка, Хартфорда, где Дон вырос, и Сан-Франциско, где он жил вплоть до переезда в Нью-Йорк около года тому назад. Большинство этих друзей учились в колледжах, где стоимость обучения превышала двадцать штук в год. Так, его подруга Эллисон, дочь знаменитого писателя и влиятельного редактора, выросла в таунхаусе в Верхнем Ист-Сайде и училась в Беннингтоне с Марком, лучшим другом Дона из Провиденса, из профессорской семьи. Подобно Дону, эти ребята стремились стряхнуть с себя внешние атрибуты привилегированного детства: Эллисон жила в чердачной студии на Мортон-стрит и жаловалась на бедность, но каждый вечер ужинала в ресторанах, а Марк бросил престижный колледж, выучился на краснодеревщика и основал компанию по производству дорогой дизайнерской мебели, офис которой находился в лофте на Четырнадцатой улице, стоившем явно не гроши.

– А тебе не показалось, что с этой квартирой что-то не так? – спросила я.

– Там пол немного наклонный. – Дон пожал плечами, обнял меня и прижал поближе. – Ну и что? За пятьсот баксов в месяц мы все равно ничего лучше не найдем. А тут и станция близко. И все близко. И такой красивый квартал – Северная Восьмая улица! Столько деревьев.

– Деревья, – с улыбкой повторила я, хотя помнила лишь мрачные тени от голых веток на снегу.

Дома Ли и Панкадж сидели за столом и пили пиво с Марком и Эллисон, которых Дон пригласил в гости, но забыл об этом... или забыл сказать мне. Марк и Эллисон нравились мне гораздо больше большинства друзей Дона, но я очень устала.

– Дональд! – воскликнула Ли и помахала забинтованной рукой. – Джоанна! Садитесь с нами, выпейте пива! Мы отмечаем!

Она встала и прижалась к моей холодной щеке своей теплой. На ней было одно из ее очень красивых платьев – глубокого бордового цвета, креповое, с крошечными тканевыми пуговками впереди, – и полный макияж: тональный крем, сгладивший неровности на ее подбородке, тушь, благодаря которой у нее появились ресницы, и темно-красная помада. Ли вымыла голову и высушила волосы; те лежали блестящими волнами. Теперь она выглядела не просто прилично, но восхитительно.

– Я нашла работу, – сообщила она.

– Ого! – удивилась я. Я не считала ее способной на такое. – И что за работа?

– Какая разница? – весело воскликнула Эллисон и чокнулась с Панкаджем, который в ответ ул вын улся.

На нем по-прежнему были тонкая армейская куртка и шарф, хотя в квартире было очень жарко. Я попыталась поймать его взгляд. Мы же вместе пережили чрезвычайную ситуацию,

¹⁵ Имеется в виду норман Мейлер.

значит, между нами теперь должно быть особое понимание. Но Панкадж смотрел куда угодно, только не на меня – на стол, на колени, на свое пиво.

– Эй, дружище, – наконец обратился он к Дону, – как там партия?

Через несколько минут они вышли – сначала Панкадж, потом Ли.

– Мне надо переодеться, – заявила она. – Весь день в этом платье хожу.

– А знаешь, кого представляет мое агентство? – крикнула я ей вслед.

– Томаса Пинчона, – ответила за нее Эл лисон.

Она пила вино из большого синего кубка – единственной посуды в квартире, отдаленно напоминавшей винный бокал. Приходя в гости, Эллисон всегда брала его себе.

– Почти угадала, – ответила я. – Сэлинджера.

Повисла тишина. Эллисон, Марк, Дон – все тарасились на меня, разинув рты.

– Возьми, – наконец проговорил Марк и подтолкнул мне пиво.

– Джерома Дэвида Сэлинджера? Серьезно? – Дон наконец очнулся от оцепенения и потрясенно покачал головой.

Я кивнула:

– Он клиент моей начальницы.

Все в комнате заговорили разом.

– А ты с ним разговаривала? – спросил Марк. – Он звонил?

– Он пишет новый роман? – поинтересовалась Эллисон. Губы у нее посинели от вина, как у упыря. – Ходят слухи...

– А сколько лет твоей начальнице? – спросил Дон. – Сэлинджер же начал писать в сороковые.

– И какой он – милый? – подхватила Эллисон. – Многие на него злятся, но мне всегда казалось, что он очень приятный человек, просто хочет, чтобы его все оставили в покое.

– Да никакой он не писатель. Так, много шума из ничего, – с улыбкой произнес Дон.

Марк раздраженно прищурился:

– Ты это серьезно? – Он глотнул пива. – Человек хочет, чтобы его оставили в покое, но это не делает его пустышкой.

Марк, как и Дон, был невысоким, мускулистым и очень привлекательным. Он был похож на кинозвезду 1970-х: голубые глаза, точеные скулы, длинный нос, волнистые светлые волосы. На самом деле он был так красив, что даже мужчины это замечали. А вот его невеста Лиза обладала совершенно непримечательной внешностью – я бы даже сказала, редко встретишь людей столь невзрачных, – и была сдержанной и молчаливой ровно настолько, насколько Марк – открытым и словоохотливым. Дону она не нравилась в том числе поэтому, и он не сомневался, что Марк отменит свадьбу.

– Пару лет назад моя подруга Джесс недолго работала в «Литтл Браун». – Эллисон взглянула на Марка. – Это издатели Сэлинджера. – Марк кивнул. – Она была всего лишь ассистенткой и с Сэлинджером дел не имела, его книгами не занималась. Но ее стол стоял рядом с приемной, и вот однажды она задержалась на работе, а телефон на стойке зазвонил... и звонил очень долго. А было уже полдесятого вечера. Кто звонит в офис так поздно? Наконец она сняла трубку и услышала, как кто-то кричит – реально кричит, – на том конце. «С РУКОПИСЬЮ ВСЕ В ПОРЯДКЕ! – кричал человек. – Я ЕЕ СПАС!» Он говорил еще что-то про пожар и нес всякую малопонятную белиберду, но главное, не говорил, а орал. Джесс решила, что звонил какой-то сумасшедший. – Мы кивали. – И вот на следующий день приходит она на работу, и оказывается...

– Звонил Сэлинджер, – угадал Дон.

– Звонил Сэлинджер, – подтвердила Эллисон, недовольная тем, что сенсационный момент ее истории предугадали. – В его доме был пожар. Дом сгорел. Или полдома... не помню. Но суть в том, что дом горел в тот самый момент, когда он звонил в издательство, то есть

представьте: твой дом горит, а ты звонишь издателям и сообщаем, что рукопись новой книги не пострадала. Не семью бежишь спасать, не звонить пожарным – нет!

– Откуда ты знаешь, что он сперва не спас семью и не позвонил пожарным? – спросил Дон.

– Мне Джесс сказала, – ответила Эллисон.

– А что такого странного в том, чтобы позвонить издателям и сообщить, что рукопись не сгорела? – не унимался Дон.

– Это еще не самое странное, Дон, – простила Эллисон. – Он позвонил полдесятого, когда в офисе не было никого. То есть он, видимо, решил, что в «Литтл Браун» должны знать, что в маленьком городке в Нью-Гемпшире случился пожар...

– А знаешь что? – И без того сиплый голос Дона от выпитого охрип еще сильнее. – Я думаю, это все чушь собачья. Не пишет Сэлинджер никакой новый роман. Зачем это ему? Он же миллионер десятикратный, разве нет? Твоя подруга все выдумала.

– О господи, Дон! – воскликнула Эллисон; ее темные глаза были совсем пьяными, щеки покраснелись. – Зачем ей это выдумывать? И как можно такое выдумать? В доме Сэлинджера был пожар, все об этом знают. Даже мама моя об этом рассказывала. В газетах писали. Я сама об этом читала. И моя подруга.

– Вот именно, – с улыбкой произнес Дон.

– Я тоже что-то такое читал. – Марк откинул со лба непослушную прядь волос. – Кажется... Сейчас вспомню... Наверно, в «Таймс»? Он говорил, что пишет книги, но не хочет публиковаться. И пишет для себя. А публиковаться ему уже ни к чему.

Снова повисла тишина. Лицо Дона посерьезнело. Он взглянул на меня и улыбнулся. Я знала, что это совпадает с его собственными взглядами на писательство.

– Писатель – тот, кто пишет, – сказал он, глядя на меня. – Кто встает по утрам и пишет, тот писатель. Не издатель делает тебя писателем. Издательский бизнес – всего лишь бизнес.

– Эй! – раздался голос в прихожей.

Мы обернулись и увидели Ли; она стояла там одна в своем старом халате, атласном, потрепанном, коричнево-голубом. Она по-прежнему была накрашена, но двигалась, точно в замедленной съемке.

– Что тут происходит? – спросила она; язык у нее заплетался.

Она пьяна, подумала я с неожиданной ясностью. Я видела Ли такой много раз, но мне никогда не приходило в голову, что ее состояние может объясняться такой простой причиной. Я думала, она просто устала. Вот я, например, очень устала. И проголодалась. Хотя я выпила всего полкружки пива, а то и меньше, у меня вдруг закружилась голова. Неудержимо захотелось прилечь.

– Я сейчас, – сказала я и осторожно поднялась.

Прошла по коридору мимо комнаты с брошенными скомканными платьями и открыла дверь в ванную, где обнаружила Панкаджа, сидевшего на унитазе.

– Ох, прости! Прости, – воскликнула я.

Панкадж как-то странно на меня посмотрел, безжизненно, и тут я увидела его руку, пережатую резиновым жгутом, какой используют в больницах, а из сгиба локтя торчала иголка. Его лицо выражало одновременно боль и ее отсутствие.

– О! – снова глупо воскликнула я.

Мы смотрели друг на друга, и пустая отстраненность на лице мужчины сменилась печалью, затем гневом, а потом я ушла, и не на кухню, где за столом сидели Дон, Ли и остальные, а в комнату Дона. Там я тяжело опустилась на его кровать, точнее, фuton без каркаса, легла и уставилась в потолок.

Когда Дон зашел посмотреть, как я, я повернулась к нему лицом:

– Ладно, – проговорила я, – давай переждем.

* * *

На следующее утро ближе к полудню я тихонько постучалась в открытую дверь кабинета начальницы и протянула допечатанные письма. С утра она снова прошла мимо меня, не поздравившись, и даже ничего не сказала про письма, что я отдала ей накануне. Они лежали на ее столе аккуратной стопочкой и ждали ее подписи.

– Присядь, – велела она.

Я села. Она достала из ящика стола пачку сигарет и принялась медленно снимать целлофан.

– Знаешь, некоторые, – начальница бросила на меня многозначительный взгляд, словно я была в числе этих «некоторых», – устраиваются на эту работу, надеясь когда-нибудь встретиться с Джерри. Или даже, – она улыбнулась, – подружиться с ним. Они думают, он каждый день сюда звонит. – Начальница внимательно смотрела на меня поверх очков. – Но он не позвонит, не надейся. А если позвонит, Пэм переведет звонок на меня. Если же меня не окажется на месте и случайно звонок переведут на тебя, не разговаривай с ним. Он звонит не для того, чтобы с тобой поболтать. Ясно?

Я кивнула.

– Не хочу, чтобы ты воображала, будто каждый день станешь разговаривать с Джерри или, чего доброго, – она рассмеялась, – пойдешь с ним на обед или что-то в этом роде. Некоторые ассистентки даже придумывали поводы, чтобы ему позвонить, естественно, ничего не сказав об этом мне. Этого нельзя делать ни в коем случае. Наша работа – не беспокоить его. Мы заботимся о его делах, чтобы ему не приходилось делать это самостоятельно. Ясно?

– Да.

– Поэтому никогда не надо ему звонить. Если возникнет ситуация, которая, как тебе кажется, потребует его внимания – хотя я даже представить не могу, что это может быть, – ты должна сказать мне, а я уж решу, говорить ему или нет. Но напрямую ему не звони никогда. И не пиши. Если он сам позвонит, надо сказать: «Да, Джерри, я передам начальнице». Ясно?

Я кивнула, сдерживая улыбку. Мне бы в голову не пришло болтать с Джерром Сэлинджером по телефону без повода, не говоря уж о том, чтобы самой ему звонить.

Начальница очень серьезно посмотрела на меня и рассмеялась своим странным низким смешком:

– И читать твои рассказы он не будет. И ему неинтересны твои восторги по поводу «Над пропастью во ржи».

– Я не пишу рассказы, – ответила я и почти не соврала. Я писала рассказы, но ни один не дописала.

– Вот и хорошо, – кивнула начальница. – Писатели – худшие ассистенты.

Я все сделала неправильно. Два дня печатала, напечатала целую гору писем. И везде неправильно отмерила поля, ошиблась в именах собственных – в общем, наделала кучу ошибок. Не было ни одного письма, которое не пришлось бы перепечатывать.

– Будь внимательнее, ладно? – сказала начальница, и я улыбнулась, сглатывая слезы.

Сделав упор на качество, а не на скорость, я начала заново и проверяла каждую строчку, а телефон в кабинете начальницы звонил беспрестанно. «С Новым годом! – повторяла она в десятый, в сотый раз. – Как прошли каникулы?» Эти односторонние беседы отвлекали меня больше, чем если бы за стеной разговаривали двое людей. Я мысленно отвечала на вопросы своей начальницы и угадывала, что могли ответить ей люди на том конце провода. Кое-что стало проясняться. Так, начальница часто упоминала некоего Дэниела, который, кажется, перенес болезнь, и довольно серьезную, но после лечения пошел на поправку. Может, Дэниел –

ее муж? Или брат? Чуть реже всплывало имя Хелен; о ней говорили менее подробно. Я так и не поняла, кем она может приходиться начальнице. Как бы то ни было, ее слова начали просачиваться в мои письма. «Спасибо, что прислали подписанный сэндвич», – напечатала я. «Мы свяжемся с вами через две недели и обсудим детали обивки». Снова и снова мне приходилось рвать полузаконченное письмо и начинать заново. «Закрой дверь, пожалуйста», – мысленно умоляла я начальницу. «Хватит звонить!» – просила я телефон. Но тот упрямо зазвонил снова.

– Джерри! – крикнула начальница. Почему она кричала? Я заметила, что в течение дня громкость ее голоса повышалась. «Хватит кричать», – подумала я. – Джерри, я так рада тебя слышать. Как дела?

В этот момент мое желание сбылось: начальница встала и закрыла дверь.

Бум! Дверь кабинета распахнулась, раздался крик.

– Хью! – позвала начальница, появившись на пороге с сигаретой, живописно зажатой между пальцев. – Хью! Хью! – Она подошла к двери его кабинета; кажется, я никогда не видела, чтобы она передвигалась так быстро. – Где он? – пробормотала она.

Я ничего не ответила, хотя точно знала, что он у себя.

– Секундочку, – спокойно откликнулся Хью из-за двери.

– У меня нет секундочки, – отрезала начальница, кажется, стыдясь собственной несносности. – Хью, Бога ради!

– Ладно, иду. – Он появился на пороге. – Ты что-то хотела?

– Ах, Хью! – Начальница не удержалась и рассмеялась. – Джерри звонил.

– Джерри звонил? – Всякое желание шутить тут же у Хью отпало. Как будто начальница сообщила ему, что в коридоре его ждет офицер с документами о досрочном освобождении.

– Да, – женщина удовлетворенно кивнула. – Он хочет, чтобы ему прислали отчет по роялти... – она сверилась с бумажкой, которую держала в руках, – за «Девять рассказов» и «Выше строила, плотники». С 1979 по 1988 год.

– Ладно. – Хью переминался с ноги на ногу. – В мягких обложках или в твердых?

Начальница нетерпеливо покачала головой:

– Не знаю. Собери все. Сколько времени на это уйдет?

Хью устался перед собой, витая мыслями где-то в более приятном месте, где можно было спокойно сидеть и лениво перебирать бумаги без необходимости выполнять утомительные задачи для невидимого хозяина. Начальница нетерпеливо постучала ножкой, на удивление маленькой, почти как копытце, затянутое в бежевый ортопедический ботинок.

– Завтра к концу дня подготовлю, – ответил Хью, – возможно, раньше. А зачем они ему?

– Откуда мне знать? – пожала плечами начальница. – Он любит проверять «Литтл Браун». Ему кажется, что они ошибаются. И это правда – они ошибаются. – Она вдруг заметила в своей руке догоревшую до фильтра сигарету. Когда пепел стал падать на ковер, стряхнула его в маленькую черную пепельницу, стоявшую на комоду у входа в кабинет Хью, но несколько серых хлопьев все-таки попали на ее ботинки и ковер. – Черт! – тихо выругалась она. – Просто подготовь отчеты. Неважно, зачем они ему понадобились.

– Ладно, – ответил Хью и впервые за все время разговора взглянул на меня и улыбнулся. – Слово Джерри – закон.

Офисная техника

Неделями я печатала, печатала, печатала. Я печатала так много, что мне стала сниться печатная машинка. Во сне я ударяла пальцами по клавишам, но буквы на бумаге не появлялись, хотя машинка работала и лента была в порядке. Вместо букв на бумаге из машинки вылетали птицы; они чирикали и били крыльями. Белые пыльные мотыльки, гигантские и крошечные, вспархивали роями и расселялись по всему офису. Жужжание машинки заполняло мои дни и становилось фоном для всех разговоров, всех прочитанных текстов; когда в конце дня я выключала «Селектрик» и накрывала машинку пластиковым чехлом, воцарившаяся тишина наполняла меня необыкновенной радостью.

Джеймс разбирался в офисной технике, и его часто звали решать всевозможные технические вопросы – чинить сломавшийся факс или доставать из копировального аппарата застрявшую бумагу. Оба этих прибора появились в офисе относительно недавно; Джеймс рассказал, что еще пару лет назад связь агентства с британским филиалом осуществлялась посредством громоздкого телекса. В документах я нашла письма образца конца 1980-х, напечатанные на длинных узких рулонах бумаги для телекса прелестным старомодным крупным шрифтом, шрифтом, который ассоциировался у меня с другой эпохой – эпохой «Тонкого человека»¹⁶ и паровозного транспорта. Наше агентство, казалось, всеми силами цеплялось за эту эпоху с ее лихими воротниками и прочими атрибутами и продолжало цепляться до сих пор. Но современность наступала со всех сторон. Несколько лет назад один агент – теперь он был на пенсии, – убедил коллег в необходимости приобретения факсового аппарата, мол, без него никак не получится заниматься правами на экранизацию, а именно этим он и занимался. В Голливуде все общение происходило только по факсу; почта США не успевала за скоростью заключения сделок. Так рядом с кофеваркой появился факс, а телекс отправился на покой, хотя еще много лет лежал где-то в офисе на случай, если вдруг опять понадобится.

Копировальный аппарат тоже был относительно недавним приобретением. Еще несколько лет назад ассистенты печатали все письма в двойном экземпляре, вставляя в машинку «бумажный сэндвич», состоящий из толстой кремовой «хорошей» бумаги, тоненькой черной копирки и мягкой, дешевой желтой бумаги, на которой отпечатывалась угольная копия. Копии всех писем, даже записок, в которых просто говорилось: «Прилагаем подписанный договор», хранились неукоснительно и подшивались в папки; у каждого писателя в агентстве имела своя такая папка. Теперь нам, ассистентам, больше не приходилось работать с копиркой, мы печатали письмо и делали копию на аппарате. Как нам повезло! Начальница, Хью, Джеймс и другие сотрудники агентства время от времени напоминали нам об этом – мол, ваше поколение избаловано современными удобствами!

Джеймс пришел в агентство шесть лет назад и состоял ассистентом у Кэролин, агента по продаже прав за границу. Кэролин работала в агентстве даже дольше моей начальницы, с 1960-х точно, а то и дольше – точно никто уже не помнил. Миниатюрная, как ребенок, она говорила тихо, с благородным южным акцентом, и красила волосы в оттенок красной ржавчины, который, судя по ее веснушчатому лицу, соответствовал ее натуральному цвету волос в молодости. Молодость ушла, хотя давно ли – было не совсем ясно; я подозревала, что Кэролин лет семьдесят, но она могла быть и старше, и моложе; миниатюрная фигурка и морщины курильщицы – как моя начальница, она курила длинные и тонкие сигареты «Мор», – не давали возможности угадать верно. После обеда Кэролин часто засыпала за столом, уткнувшись головой в подмышку, как птичка, закрывающая голову крылом; когда я впервые застала ее в этой

¹⁶ Серия детективных фильмов 1930-х годов по роману Дэшила Хэммета.

позе, проходя мимо ее кабинета на пути в туалет, то испугалась и решила, что она, возможно, не просто уснула, а кое-что похуже. Но потом она смачно рыгнула.

Хотя Джеймс с тех пор переселился в свой чудесный, уставленный книжными стеллажами кабинет, официально он по-прежнему считался ассистентом Кэролин. Я обнаружила это однажды утром, проходя мимо его кабинета; он спокойно и быстро печатал с диктофона, и наушники на его большой львиной голове выглядели нелепо. Ему было тридцать лет – ровесник Дона; он был женат и все же работал ассистентом, несмотря на диплом университета Лиги Плюща и шесть лет работы в агентстве. И жену!

Когда я это поняла, то стала смущенно отворачиваться, увидев, как Джеймс печатает или подшивает корреспонденцию в папки, хранившиеся в больших металлических ящичках за столами бухгалтеров. Но Джеймс, оказалось, совсем не возражал против того, чтобы печатать письма для Кэролин; он сам мне в этом признался однажды вечером в феврале, когда в офисе было темно, как в полночь, хотя часы показывали всего четыре. Начальница ушла домой по делам, связанным с людьми, которых она часто упоминала в разговоре, Дэниелом и Хелен; я так и не разобралась, кем они ей приходились и какое место занимали в ее жизни, но ясно было, что она тратила на них много времени. Она также часто уходила пораньше, чтобы навестить Дороти. Дороти была бывшим руководителем агентства, знаменитостью в литературном мире и легендарным агентом; ей исполнилось девяносто, и она недавно пережила инсульт. У нее не было ни мужа, ни детей. «Она вышла замуж за агентство», – сказал мне однажды Джеймс. А теперь агентство в лице моей начальницы, ее преемницы, заботилось о ней. Сама Дороти была преемницей основателя агентства и человека, который, собственно, и открыл Сэлинджера. Сэлинджер посылал свои рассказы в «Нью-Йоркер», пока наконец Уильям Максвелл не взял один из них – «Легкий бунт на Мэдисон-авеню» (впоследствии Сэлинджер дополнил его, и получилось «Над пропастью во ржи»). «Это есть на карточке», – взволнованно сообщил Хью. В агентстве существовала странная и очень сложная система учета произведений, как «больших» книг, так и рассказов, печатавшихся в журналах, хотя последние постепенно сходили на нет. Для этого использовали гигантские розовые картотечные карточки, именно их я обнаружила в ящике стола в первый рабочий день. На карточке значились имя редактора, читавшего произведение, дни, когда редактор справлялся о том, как идет работа, дата продажи, условия контракта и так далее. Эти карточки, видимо, изобрел основатель агентства, и изготавливали их специально для нас. Вносить информацию в карточки приходилось, естественно, ассистентам, вмещая огромное ее количество в крошечные таблички и строчки. «Хочешь узнать кое-что интересное? – с озорным блеском в глазах спросил Хью. – Найди карточку „Над пропастью во ржи“». Эту сделку, разумеется, тоже заключила Дороти. Ее кабинет когда-то находился в большом офисе с окнами во всю стену, который мы теперь использовали как переговорную. Когда Хью только пришел в агентство на должность ассистента Дороти, он сидел там вместе с ней и печатал под ее диктовку. Может, и правы были «старички»: нам, современным ассистентам, действительно повезло, ведь у нас были диктофоны и копировальные машины.

– Печать на машинке сродни медитации, – рассуждал Джеймс, закинув руки за голову и водрузив на стол ноги в мокалинах. – В жизни я слишком много думаю. И редактирую. Или решаю сложные задачи. Приятно иногда просто включить машинку, и... – он похлопал ее, как друга по плечу, – попечатать немного. Меня это расслабляет. – Джеймс выпрямился и улыбнулся. Он очень серьезно воспринимал себя и нашу работу. Его улыбка всегда заставляла меня врасплох. То же самое было с Хью. – И все же какой абсурд, что в этом офисе до сих пор нет компьютеров.

– Ты так считаешь? – осторожно спросила я.

Я впервые слышала такое мнение от сотрудника агентства и боялась, что это ловушка.

– Естественно, – рассмеялся Джеймс. – А ты разве нет?

Я тоже так считала. Разумеется. И все же в тот момент я не знала, что думать. Я совсем запуталась. Я чувствовала – смутно подозревала и даже сама себе не решалась в этом признаться, – что это имеет отношение к работе и моей начальнице. Я понимала, что, чтобы стать кем-то – а мне отчаянно хотелось стать в этом агентстве своей, мне давно уже так ничего не хотелось, и я толком не знала почему, – я должна отказаться от части себя, от своих желаний и наклонностей.

Мы перевезли всего пару коробок, и тут я поняла, что не так с новой квартирой, почему она казалась такой странной: на кухне не было раковины. Как мы могли не обратить на это внимания, когда смотрели квартиру?

– Я заметил, – признался Дон. – Но какая разница, в самом деле? За пятьсот-то баксов в месяц! Посуду можно мыть в ванной.

– Мне кажется, надо попросить владельца квартиры установить раковину, – возразила я. – Жить без раковины очень неудобно.

– С какой стати владельцу устанавливать раковину? – фыркнул Дон, поражаясь моей наивности. – Найдутся жильцы, которым не нужна раковина. Раз, и найдутся. – Он щелкнул пальцами, подчеркивая, как легко они найдутся. – Можешь спросить, конечно, только сдаётся мне, этого не будет. И владелец нас возненавидит.

Вечером возникла более насущная проблема: мы не смогли понять, как включается отопление. В полу имелись вентиляционные отверстия, но тёплый воздух из них не шел. В коридоре за дверью мы нашли термостат и включили его, но ничего не произошло.

А было холодно. Необычайно холодно для Нью-Йорка в январе. И стены нашей маленькой избушки, кажется, не имели совсем никакой термоизоляции. Я надела самую теплую пижаму, тёплый свитер, навалила на кровать гору одеял, но все равно не согрелась.

– Я включу духовку и открою дверь, – предложил Дон.

– А это безопасно? – спросила я. – А если огонь погаснет? Мы не отравимся газом?

Дон пожал плечами:

– Ничего не случится. Квартира хорошо продувается. Тут хорошая вентиляция даже с закрытыми окнами.

– Ладно, – нервно согласилась я.

Наутро мы проснулись живыми в тёплой квартире: она была такая маленькая, что духовка отлично ее прогревала. Но, придя на работу, я первым делом позвонила агенту по недвижимости, и тот пообещал позвонить хозяйке. Ее звали Кристина. «Весьма колоритный персонаж», – добавил он.

Вечером я пришла домой и застала Дона за беседой с приземистой тетенькой, платиновой блондинкой с пышным начесом и складками загорелой плоти, вываливающейся из обтягивающей красной майки на тонких бретельках.

– Драсьте, – сказала она с сильным польским акцентом. – Вы, значит, жена. А я Кристина. Рада знакомству. Хорошо, что вы у меня поселились, такие молодые, такие умные, образованные, работающие ребята. Уже познакомились с парнем из квартиры снизу?

– Мм... нет, – сказала я, снимая пальто.

Духовка по-прежнему горела, и в квартире было тепло. Дон что, оставил ее включенной на весь день? Пока нас не было дома?

– Он мексиканец. Неплохой парень, но пьет. Мексиканцы, знаете ли, работающие, но пьющие. Поляки – те совсем не любят работать, но все равно пьют. Наверху у меня живет поляк, но он нормальный. Старый. – Кристина прищурилась, и ее челюсть выдвинулась, а лицо исказила гримаса отвращения. – Парень, что жил в этой квартире до вас... он ее уничтожил. Оставил дыры в стенах. – Она выпятила губы, ее брыли обвисли, и она с отвращением покачала головой. А потом вдруг повернулась к Дону – тот сидел за письменным столом, в круглых очках в

проволочной оправе, в клетчатой рубашке и джинсах, моих, между прочим, мы с ним носили один размер, – и спросила: – Вы еврей?

Это прозвучало скорее как утверждение, чем как вопрос.

– Я? – с улыбкой ответил Дон. – Нет. Не еврей.

– Ну, конечно же, еврей! – воскликнула Кристина и всплеснула голыми руками. – Вы себя в зеркало видели? – Она повернулась ко мне с заговорщической улыбкой: – Он думает, что я не люблю евреев, потому что я полячка. Но это неправда. Я люблю евреев. Евреи – отличные жильцы. Платят вовремя, тихие, книжки читают. – И женщина указала на письменный стол: тот действительно был завален умными книжками. – Лучшие жильцы – евреи.

Она повернулась ко мне и улыбнулась, будто бы и я была хозяйкой дешевого пансиона и знала, какие жильцы лучшие. Я улыбнулась в ответ.

– Он же еврей, да? – спросила хозяйка меня.

– Она еврейка, – ответил Дон, рассмеявшись, и показал на меня.

«О боже, – подумала я. – Он это серьезно?»

– Она? – Кристина задумчиво сморщила нос. – Ну нет. Взгляни на нее. Такая хорошенькая. – И она сурово взглянула на Дона: – Вы смеетесь надо мной. Прекратите.

– Мм... вообще-то, мы хотели спросить, как тут включается отопление, – встряла я, пока этот разговор не зашел слишком далеко. – Мы видели термостат в коридоре, включили его, но теплее не стало.

Кристина горячо затрясла головой:

– Он остался с тех времен, когда дом не был поделен на квартиры. Теперь он не работает. Мы его отключили.

– А... прекрасно, – ответила я. Я по-прежнему стояла у двери, не зная, стоит ли садиться. – И как включить отопление?

Кристина снова затрясла своим платиновым осиным гнездом на голове, причем пуще прежнего:

– Отопление? Зачем вам отопление? Квартира маленькая. Здесь же тепло. Даже жарко. – Она обвела рукой свои круглые тела. – Посмотрите, что на мне надето. И мне жарко. Здесь нет отопления, да вам оно и не нужно.

Дон начал нервно посмеиваться:

– Жарко, потому что мы включили духовку. Мы не нашли, как включается отопление, включили духовку и открыли дверцу.

Глазки Кристины превратились в щелочки на мясистом лице. Она скрестила руки на груди и вздохнула, неприветливо поджав губы. Кажется, мы перестали быть ее друзьями и лучшими жильцами.

– Я узнаю, как оно включается. Но зачем оно вам? – Кристина широко улыбнулась. – Есть же духовка. Вот и включайте ее. Это ж все равно что обогреватель. – Она взяла красную нейлоновую кофту с белыми полосками на рукавах от спортивного костюма, надела и застегнула на молнию до подбородка. – Еврейка, значит? – Она еще раз посмотрела на меня и улыбнулась: – За дурочку меня держите.

С тех пор как Сэлинджер попросил составить отчет по роялти, он не звонил больше ни разу, и мы так и не узнали, зачем ему понадобился отчет. Джеймс и Хью списали это на очередную его странность. Зато начали звонить самому Сэлинджеру, как и предупреждала моя начальница.

Некоторые из звонивших были пожилыми людьми, ровесниками самого Сэлинджера, и, наверно, просто не знали, каких масштабов достигла его самоизоляция от мира. В их представлении он все еще был страждущим молодым писателем с обложки «Тайм», будущим мэтром американской литературы. Эти звонившие чувствовали с Сэлинджером близкое родство, ибо

они тоже сражались во Второй мировой или росли в Верхнем Ист-Сайде в 1930-е. Часто у них имелось к нему личное дело: так, этим людям казалось, что прототипом героя одного из его рассказов стал их двоюродный брат, или их двоюродный брат служил с Сэлинджером в тренировочном лагере перед отправкой на фронт, или они жили на соседней улице в Вестпорте в 1950-е. Теперь, с пришествием старческого слабоумия, они хотели связаться с этим человеком, чьи произведения так много значили для них в юности. Или перечитали «Над пропастью во ржи» и лишь теперь поняли, что в этом произведении Сэлинджер описал пережитое им самим во время войны. Или открыли «Рыбку-бананку» и разрыдались, узнав себя, ведь у них тоже возникали суицидальные мысли после Арденнской операции. Никто не должен был видеть то, что видели они.

Безобидными были и редакторы школьных учебников и антологий, бесхитростно прошившие разрешения включить «Тедди» в подборку рассказов о браке и разводе или отрывок из «Над пропастью во ржи» в новое издание «Нортонской антологии американской литературы».

– Можно же разрешить включить кусок из «Пропасти» в Нортонскую антологию? – крикнула я Хью.

– Конечно, нет! – завопил тот. – Нельзя! Ты же не ответила, что можно? – Он аж покраснелся от негодования.

– Нет, конечно, нет, – ответила я. – Но разве не стоит спросить у *него самого*, может, он хочет, чтобы отрывок попал в антологию?

Как-никак, то была не какая-нибудь антология, а Нортонская. Программный учебник всех американских университетов.

– Нет, – Хью покачал головой и закусил верхнюю губу. – Никаких антологий. Никаких отрывков. Хотят читать Сэлинджера? Пусть покупают книги.

Последнюю категорию звонивших я называла просто чокнутыми. Эта группа была хоть и не самой многочисленной, но отнимала больше всего моего времени. Иногда с первой секунды становилось ясно, что у звонившего не все дома, и тогда я старалась быстро закончить разговор и бросала трубку с приятным тихим дребезжанием. Но, бывало, я отвечала и завязывала беседу вроде бы с нормальным человеком, говорившим вежливо: «О да, здравствуйте! Большое спасибо, что ответили!» Например, один звонивший представился деканом государственного колледжа из южного Нью-Джерси.

– Мы бы хотели пригласить мистера Сэлинджера почетным гостем на церемонию вручения дипломов. Церемония состоится двадцать восьмого мая; мы, разумеется, можем предложить небольшой гонорар и размещение в очень хорошем отеле.

Он начал рассказывать об истории колледжа, студентах, что ныне там обучались, но я прервала его речь, стоило ему остановиться перевести дух:

– Прекрасно, что вы вспомнили про мистера Сэлинджера в этой связи, но, боюсь, в данный момент он не принимает приглашения.

– Я знаю. – Тут вежливый тон декана мгновенно сменился агрессивным. – Но решил, что для нас он сделает исключение, потому что... – За этим обычно следовала любая причина, вставьте свою; в данном случае причина была следующей: – Как я уже говорил, среди наших студентов много ветеранов войны в Заливе, а поскольку мистер Сэлинджер сам ветеран войны и писал о трудностях адаптации ветеранов к жизни в гражданском обществе...

Звонивший что-то недоговаривал. В этот момент я поняла, что он преследовал свои цели.

– Я вас прекрасно понимаю. Но мистер Сэлинджер сейчас не принимает такие приглашения. Без исключений.

– Но не могли бы вы хотя бы дать мне его контакты, чтобы я лично его пригласил? Уверен, если я объясню ему ситуацию, он будет рад приехать к нам. Всех гостей мы размещаем в прекрасной гостинице...

– Боюсь, я не смогу дать контакты мистера Сэлинджера. Он дал нам четкие указания не раскрывать его адрес и телефон.

– А если я пришлю приглашение в письменном виде, вы перешлете?

Я набрала воздуха. Проще было бы солгать: «Конечно же, перешлем», – а потом выбросить приглашение в мусорку, и пусть винит Сэлинджера за то, что тот так ему и не ответил. Но я продолжала говорить так, как мне велели. Было в этом даже какое-то извращенное удовольствие.

– Увы, не могу. Мистер Сэлинджер просил не пересылать ему почту.

– А если пришлю приглашение, что вы с ним сделаете? – Я буквально чувствовала, как наливаются кровью глаза моего собеседника. Тогда я поняла, что он воспринимает это дело как личное. Речь не о приглашении почетного гостя в маленький колледж; звонивший возмнил, что у него с Сэлинджером есть некие отношения, какая-то только ему известная связь. – Отправите обратно? Что вы с ним сделаете?

Должна ли я была сказать, что его приглашение отправят обратно по адресу, выкинут в круглую мусорную корзину под столом моей начальницы (если оно, конечно, дойдет до нее), или же оно затеряется в грудe бумаг на столе Хью?

Да, должна.

– Но разве это не незаконно? Вы разве не обязаны передавать мистеру Сэлинджеру его корреспонденцию, если письмо отправлено Почтой США? – Этот аргумент мне предьявляли часто.

– Мистер Сэлинджер нанял нас как своих агентов. Он нанял нас представлять его интересы. Наша работа – делать все так, как он хочет.

– Но откуда вы знаете, чего он хочет? – Декан уже орал, а у меня под мышками расплылись темные круги. – Откуда вы знаете, чего он хочет? Да кто вы такие?

– Мистер Сэлинджер дал нам подробные указания, а мы просто исполняем их, – спокойно отвечала я. Но в словах декана была доля правды. Откуда нам – и мне особенно – знать, чего хочет Сэлинджер? Что, если он на самом деле хочет отправиться в эти Сосновые Пустыри, куда его зовут, выступить на мероприятии перед ветеранами и остановиться в хорошей гостинице? Вдруг он именно в этот раз решил бы передумать? – Простите, декан... – Я назвала его имя, так как давно обнаружила, что если запомнить имена звонивших и называть их по имени, то это может помочь утихомирить их гнев. – Мистер Сэлинджер недвусмысленно велел нам отвечать «нет» на все подобные предложения. Было приятно пообщаться, уверена, вы найдете другого почетного гостя, который с удовольствием выступит на церемонии.

Я повесила трубку. Свитер под мышками промок насквозь, хоть отжимай, хотя начальница решила проветрить свой кабинет, и ледяной ветер ворвался в ее окно и теперь кружил вокруг моего стола. Сквозняк просочился мне под свитер, и я задрожала. И тут меня осенило: я не разнервничалась из-за звонка декана, я заболела. У меня поднялась температура. В детстве я тоже заболела на ровном месте, раз – и голова становилась как ватой набитая.

Я встала со стула, и ноги предательски подкосились. Я прошла половину офиса и поняла, что бегу, подгоняемая адреналином. «Тише», велела я себе. Под бледным светом флуоресцентных светильников в ванной я умылась, заметив, что лоб у меня холодный, и взглянула на свое отражение в кривом зеркале с отслаивающейся амальгамой. Мои щеки покраснелись, глаза блестели. Я была не больна. И не нервничала.

Я была рада!

Наконец в моей жизни начало происходить что-то интересное. Я не становилась частью чего-то большого. Я уже стала его частью.

Дженни, с которой мы были лучшими подругами в школе, работала в паре кварталов от нашего офиса в здании «Макгроу-Хилл»: редактировала учебники по обществознанию. Точ-

нее, один учебник: весь срок своего пребывания в должности она работала над одним громадным проектом – учебником для пятых классов, который адаптировали для общеобразовательных школ Техаса. Очевидно, Техас был настолько влиятельным штатом – протяженным, богатым, с большим количеством школ и учеников, – что мог потребовать, чтобы учебники переделывали специально для него; например, там была целая глава о битве за Аламо¹⁷ и еще одна – об истории штата, а главу о гражданских правах – о ужас! – просто вырезали. Обо всем этом мне рассказала Дженни, которую крайне тревожило такое положение вещей; вместе с тем она очень любила свою работу, а также совещания, где требовалось ее присутствие. В колледже она училась кое-как, дважды переходила с факультета на факультет и приобрела несколько психических расстройств, зато теперь в ее жизни была цель. Теперь у нее был Техас.

– Так здорово вести нормальную жизнь, – призналась подруга несколько месяцев назад, когда я только вернулась из Лондона.

В школе нам меньше всего хотелось вести нормальную жизнь. Мы высмеивали нормальных людей. Презирали всякую нормальность.

– Да, – задумчиво кивнула я, но внутренне не согласилась.

Я все еще не желала быть нормальной. Мне хотелось быть экстраординарной: писать романы, снимать кино, говорить на десяти языках и путешествовать по миру. Я хотела иметь все. И мне казалось, что Дженни раньше хотела того же.

Впрочем, в работе ей нравилась не только ее нормальность, но и деньги, заработанные своим трудом. У нее были плохие отношения с родителями – хуже, чем у большинства наших друзей, – и она раньше всех начала жить отдельно. А редактируя учебники, как выяснилось, можно было заработать намного больше, чем согласившись на любую другую литературную вакансию из тех, что предлагали выпускникам Суортмора¹⁸ со специализацией «поэзия», а у Дженни была как раз такая специализация. Поэтому она приняла взвешенное решение и пошла трудиться в куда менее престижной сфере учебной литературы. Тогда я подругу совсем не понимала, как и ее взвешенное решение переехать в новостройку на Стейтен-Айленде, в скучном, далеком от центра событий и культурной жизни пригороде с одинаковыми квартирками с фанерными стенами. Дорога в центр Нью-Йорка отнимала у Дженни целых полтора часа, и это только в одну сторону, теперь с ней нельзя было встретиться после работы и сходить в «Анжелику» на новый фильм Хэла Хартли, или опрокинуть по рюмочке в «Вон», или сходить на концерт в «Меркьюри Лаунж». Каждый вечер они с Бреттом, ее женихом, встречались на платформе и начинали свой утомительный путь домой.

Но жизнь на Стейтен-Айленде была дешевле, чем в любом из кварталов, куда переезжали мои друзья, в основном в Бруклине: в Кэрролл-Гарденз, Коббл-Хилл, Парк-Слоуп со стороны Пятой авеню, Форт-Грин и Клинтон-Хилл, на туманной площади рядом с Флэтбушем, которую мы в итоге приучились называть Проспект-Хайтс. Но больше всего наших друзей жили в моем районе, Вильямсбурге, и в соседнем Гринпойнте, что тянулся к северу. Их было так много – друзей, друзей друзей, шапочных знакомых и бывших выпускников Оберлина, Барда и Вассара, – что невозможно было купить чашку кофе в «Эль», не наткнувшись на нескольких знакомых. В воскресенье утром я часто ходила завтракать в средиземноморскую кафешку на углу; к столику меня провожала танцовщица, которая училась в моей школе на класс старше, а обслуживал художник, тоже из моей школы, но на два класса старше. По вечерам мы с Доном встречались с Лорен в тайской забегаловке или с Ли и Эллисон – в баре времен «Крысиной стаи» в Бедфорде выпить джин-тонику; там выступал альтернативный цирк с участием всех моих друзей по колледжу – один глотал огонь, другой демонстрировал клоунаду в стиле Жака

¹⁷ Самая известная битва Техасской революции между техасскими поселенцами и мексиканской армией (1836 год).

¹⁸ Частный гуманитарный колледж в Пенсильвании.

Лекока, третий катался на уницикле и играл на тромбоне. Я считала свой район раем, но в раю не хватало одного – Дженни на соседней улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.